

ВЛАДИМИР МАЛИК

**ФИРМАН
СУЛТАНА**

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Тайный посол

Владимир Малик

Фирман султана

«Центрполиграф»

1969

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Малик В. К.

Фирман султана / В. К. Малик — «Центрполиграф»,
1969 — (Тайный посол)

ISBN 978-5-227-06573-5

В руки Арсена Звенигоры, казака Войска Запорожского, и его друзей, бежавших из рабства на турецкой галере, попадает фирман султана. Теперь Арсен знает о том, что родную Украину ожидает новое турецкое нашествие во главе с визирем Кара-Мустафой. Еще больше стремится сердце казака на Родину, в стремлении предупредить об опасности кошевого атамана Сирко и гетмана Самойловича.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-06573-5

© Малик В. К., 1969
© Центрполиграф, 1969

Содержание

Часть первая	6
На каторге	6
1	6
2	9
3	11
4	13
5	14
6	17
Мать и сын	21
1	21
2	22
3	24
4	26
5	27
6	28
Фирман	32
1	32
2	35
3	37
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Кириллович Малик

Фирман султана

© Малик В.К., наследники, 2016

© Доронин В., Цветков Е., перевод, наследники, 2016

© «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2016

Часть первая

На каторге

1

«Каторга» – унаследованное турками новогреческое слово означало общее название гребного судна с тремя рядами весел. В странах Средиземноморья гребцами на каторге в годы нашего повествования были рабы, военнопленные и преступники, осужденные на тяжелые работы. Всех этих несчастных приковывали на судне к поперечным скамьям или же соединяли одной общей цепью, пропущенной через ножные кандалы, запирающейся у носовой и кормовой перегородок крепкими хитроумными замками. Здесь, избиваемые плетью надсмотрщика, гребцы бессменно сидели за тяжелыми длинными веслами, здесь же ели и спали, здесь же часто сходили с ума или умирали от изнурения и болезней.

Не было страшнее неволи, чем на каторге, или галере, как ее стали называть много позднее. Потому и вошло это слово почти во все европейские языки как синоним нечеловеческих мук, тяжелейшего наказания.

Когда «Черный дракон» прошел Босфор и заколыхался на могучей груди моря, барабан на палубе стал бить еще чаще и надсаднее. Это означало: грести сильнее, быстрее.

К веслам невольники были прикованы по трое: рядом с проходом – Звенигора, посредине – Спыхальский, а Роман Воинов сидел третьим, возле борта, в темном низком закутке.

Надсмотрщик Абдурахман, толстый, коренастый турок, из тех турков-узников, что попали на галеры за тяжкое преступление, а потом выслужились, свирепо заорал:

– Сильней гребите, паршивые свиньи! Да дружно все – поднимай, опускай! Поднимай, опускай!

Весла летали, как крылья птицы. Монотонно звякали кандалы. Слышалось натужное дыхание истомленных людей: с утра уже прошло столько часов. Но барабан без умолку все гремит и гремит – там-та-там, там-та-там!.. Все чаще и чаще!.. Заставлял, приказывал – греби, греби! Сколько есть силы в руках – греби! Иначе...

Взлетал над головами гребцов арапник и горячо ожигал тех, кто, по мнению Абдурахмана, медлил, не проявлял надлежащего старания. Надсмотрщик был неумолим. Он сам несколько лет провел за веслом, сам не раз бывал избит и теперь, боясь потерять более свободное и сытое житье, старался угодить капудан-паше тем, что заставлял своих прежних товарищей по несчастью грести изо всех сил. Его жирное лицо блестело от пота: солнце поднималось все выше, и в тесном помещении для невольников становилось нестерпимо душно. Открытые люки, через которые время от времени врывалось немного свежего воздуха, облегчали мало.

Абдурахман смахнул со лба капли едкой влаги, взглянул на Звенигору тяжелым мрачным взором. Арсен как раз перекинулся словом со Спыхальским, и остроумный ответ поляка развеселил казака. На губах появилась легкая улыбка.

– А-а-а, новичок, гяурская свинья! Поганый ишак! Смеешься?.. Ты у меня станешь работать как следует! – закричал надсмотрщик и несколько раз хлестнул невольника по плечам.

Острая боль обожгла тело казака. Звенигора вздрогнул. В глазах почернело от обиды. Он греб, как и все, даже сильнее, так как у него было намного больше сил, чем у худых, изможденных рабов, много лет сидевших у весел. От ярости помутился разум. Бросив весло, не помня себя, он рванулся к Абдурахману. Загремела цепь, и кандалы больно врезались в ноги. Но все

же кулак, в который Арсен вложил всю силу и ненависть, достиг челюсти надсмотрщика. Молниеносный удар сшиб толстого Абдурахмана на зашарканный деревянный пол – он отлетел назад и крепко стукнулся головой о стенку.

Это произошло так неожиданно, что невольники перестали грести. Весла перепутались. Галера заметно начала замедлять ход.

Абдурахман долго лежал без движения, только судорожно хватал воздух широко раскрытым ртом. Потом застонал и открыл глаза.

Все гребцы повернули головы назад и с изумлением и страхом смотрели на Звенигору и надсмотрщика, который никак не мог подняться и лишь ошалело водил круглыми, выпученными глазами.

– Боже мой, Арсен, что ты наделал? – воскликнул изумленный Спыхальский и встопорщил давно не стриженные рыжие усы. – Он же, холера ясна, тебя забьет теперь!..

Роман молчал, но и на его лице был ужас.

Звенигора сел, тяжело дыша. Дрожащими руками, как клещами, сжал рукоятку весла. Понимал, что надо прийти в себя, успокоиться и что-то придумать, иначе Абдурахман и вправду забьет, засечет арапником до смерти. Но ни одной путной мысли в голову не приходило. Да и что тут придумаешь? К тому же от злости и волнения перед глазами все еще плыли красноватые круги.

Тем временем Абдурахман очнулся и медленно, опираясь спиной о стену, встал на ноги. Мутным взглядом обвел неподвижных, застывших в каком-то необычном напряжении гребцов. Казалось, он не понимал, что с ним произошло и почему невольники перестали грести. Удар ошеломил его, в голове все еще гудело.

Но вот его взгляд уперся в Звенигору. Злобная гримаса исказила его круглую, как блин, физиономию. Вся его коротконогая фигура напряглась, а рука крепко вцепилась в рукоятку арапника.

Он шагнул было вперед. Но, очевидно, вспомнив, чем только что закончилась его стычка с этим новичком, остановился и ощерил белые зубы.

– Гяурская собака! Не думаешь ли ты, что Аллах даровал тебе бессмертие? Ты ошибаешься! Твоя смерть на кончике моего арапника, жалкий раб! – зловеще прохрипел Абдурахман и начал издали зверски хлестать Звенигору. – Вот тебе! Вот тебе!.. Получил?..

Арсен обхватил руками голову, пригнулся. Спыхальский и Воинов подняли крик. К ним присоединились другие невольники. На разных языках, так как здесь были люди со всех концов необъятной Османской империи и многих смежных стран, неслись проклятия.

– Абдурахман, кровавая собака, что ты делаешь?! – слышалось с кормы. – Забыл, как сам сидел за веслом? Подожди, настанет и для тебя черный день!

– Сын грязного ишака!

– Мерзавец! Чума тебя забори!

– Стамбульский вор! Разбойник!..

Оскорбительные выкрики неслись со всех сторон, но Абдурахман не обращал на них внимания. Ругань еще больше его распаляла, и он, обезумев, бил Звенигору смертным боем. Может, и убил бы казака, если б по ступеням не послышался топот многих ног. Несколько человек быстро спускались вниз.

– Что здесь случилось? Почему не гребут эти проклятые свиньи? – пронесся громкий властный голос. – Где Абдурахман, гнев Аллаха на его голову!

Абдурахман отскочил от Звенигоры, вытянулся, сжимая арапник в руке. С лица моментально исчезла гримаса дикой злобы. Все заметили, как мелко дрожат его колени, а нижняя челюсть начала распухать и отвисла вниз.

– Невольники взбунтовались, мой высокочтимый капудан-паша Семестаф, – пролепетал он срывающимся голосом. – Их подбил этот проклятый гяур, эта паршивая собака, да сожрет шайтан его вонючую голову!

Надсмотрщик ткнул рукоятью арапника Звенигору в бок.

Капудан-паша Семестаф сошел с последней ступеньки и остановился перед Абдурахманом. Это был высокий пожилой турок с седоватой бородой и красивым лицом, которое не мог испортить даже шрам, красным рубцом пересекавший щеку. Позади капудан-паши стояли два корабельных аги.

– Разве мало батогов на моем судне, чтоб заставить этот скот работать как следует? – мрачно спросил паша Семестаф.

– Именно это я и делал перед вашим приходом, наияснейший паша, – поклонился Абдурахман. – Но этот гяур ударил меня в лицо.

Паша Семестаф взглянул на Звенигору. В этом взгляде не было ни интереса, ни теплоты – так смотрят на вещь, неизвестно как попавшую под ноги, или на норовистую скотину, которую нужно укротить.

– Бунт на корабле карается смертью. Но не станем же мы убивать непокорного ишака – хватит с него и нескольких ударов арапника! Вот и всыпь этому мерзавцу так, чтоб поумнел, но сохранил силу грести. В море мне нужны гребцы живые, а не мертвые!

Но, к удивлению паши, невольник выпрямился, высоко поднял голову и заговорил на чистейшем турецком языке:

– Почтенный паша ошибается, считая меня всего лишь ишаком. Хотя сегодня я раб, но не утратил человеческого достоинства, как эта свинья Абдурахман! Поэтому я предпочитаю умереть, чем сносить незаслуженные оскорбления!

Капудан-паша стал с нескрываемым интересом рассматривать невольника. Абдурахман тоже вытаращил глаза, услышав изысканную турецкую речь из уст раба-гяура.

– Ты турок? – спросил паша Семестаф. – Как ты здесь оказался?

– Я купец, высокочтимый паша. Меня коварно схватили мои враги и отдали в рабство. Такая же доля может постичь каждого правоверного, от которого отступится Аллах, пусть славится имя его!

– Как тебя зовут?

– Кучук, эфенди. Ибрагим Кучук, купец и сын купца, а теперь – раб нашего светлейшего падишаха, пусть живет он десять тысяч лет!

– Гм, это интересно, – буркнул паша Семестаф. – А богат ли твой отец?

– Достаточно богат, чтобы купить такой корабль, как «Черный дракон», и приобрести для него гребцов.

– О! – вырвалось у паши. – Почему ж он не выкупит тебя?

– Он не знает, куда я делся. А я не могу сообщить ему о себе. Как, наверное, догадывается высокочтимый паша, в моем положении это нелегко сделать. К тому же мой отец, пусть бережет его Аллах, живет в Ляхистане, в городе Каменце, у стен которого наш победоносный хандкар прославил себя невиданной победой над неверными.

Звенигора старался заинтересовать пашу возможностью получить за него, как за купеческого сына, выкуп с единственной целью – обеспечить заступничество перед Абдурахманом, который горит неистовым желанием засечь его до смерти. Конечно, рано или поздно обман откроется, и тогда, чего доброго, паша сам прикажет страшно истязать обманщика или даже казнить. Однако далекое будущее мало тревожило казака. Главное – избежать непосредственной опасности. А что будет через год или два, Звенигора и думать не хотел.

– Ну вот что, ага Кучук, – сказал паша, – мы плывем в Килию, и там я постараюсь найти человека, который сообщит о тебе твоему отцу. Пусть готовит деньги. Но до тех пор, пока я не узнаю точно, сколько за тебя дадут, ты останешься сидеть у весла и грести наравне со всеми.

Если же будешь проявлять непокорность, Абдурахман быстро уgomонит тебя... Ты слышишь, Абдурахман?

– Слышу, милостивый паша, – согнулся дугой надсмотрщик и зло, исподлобья глянул на невольника.

– А теперь за работу, негодные свиньи, – внезапно закричал паша, – если хотите получить свою миску чорбы!.. Абдурахман, неужто твой арапник стал таким легким, что не может заставить поворачиваться этих тварей живее?

Абдурахман только и ждал этого приказа. С высоко поднятым арапником он набросился на гребцов. Посыпались удары направо и налево.

– За весла, проклятые! За весла!

Невольники поспешно начали грести. Каждый пытался уклониться от жестокого удара. Но Абдурахман не пропустил ни одного – всех наградил, кроме Звенигоры, которого пока что боялся трогать, не зная, как может отнестись к этому паша.

2

Дни были тяжелы, а ночи еще тяжелее. Короткое время отдыха, когда галера ложилась в дрейф или шла под парусами, если дул попутный ветер, невольники проводили здесь же, на широких скамьях. Изнуренные нечеловеческими усилиями, голодные, они подолгу не могли заснуть, стонали, молились или потихоньку проклинали свою судьбу.

Звенигору по ночам мучили кошмары, терзали черные мысли...

Вокруг темнота. Душно. Слышен глухой шорох волн за бортом да храп и стон невольников. Звенигора вздыхает, вытирает рукавом лицо и всматривается в низкий дощатый потолок. Долго лежит с открытыми глазами, старается заснуть, но не может. В голове роятся мысли и воспоминания. Оживают в памяти мать, сестренка Стеша, старый дед, которые, вероятно, уже и надежду потеряли увидеть его живым, вспоминает Златку... Но чьи бы лица ни представлял себе, какие бы картины прошлого ни всплыли перед ним, он не мог долго любоваться ими, ибо сразу же одолевала неотступная жгучая мысль: как освободиться? Неужели ему суждено провести все годы жизни за веслом? Неужели не представится счастливого случая для побега?

Осторожно, чтобы не разбудить товарищей, Звенигора поднимается, садится на скамье и начинает перебирать в мыслях всевозможные варианты освобождения.

Нападут на судно запорожцы – захватят его. Вот и свободен... Но нападут ли? Не придется ли ждать этого десять, а то и двадцать лет и наконец, не дождавшись, погибнуть в отчаянии?

Может, воспользоваться золотом атамана Серко?.. Но как? Если паша Семестаф узнает – просто отберет! Пропадет пояс с монетами ни за что ни про что! К тому же останутся в неволе Роман и Спыхальский. А этого он и в мыслях не допустит. Уж если освободиться, то только вместе!

Перебить охрану и захватить корабль?.. Легко подумать, а сделать – никакой возможности. Прежде всего из-за проклятых кандалов и цепи, на которую их нанизали, как рыбу на кукан.

Становилось ясно, что единственный путь к освобождению – перерезать или перетереть цепь. Тяжелая, кованая, она пропущена под ногами гребцов сквозь кандалы, черной змеей извивается под скамьями и не позволяет ни одному невольнику отойти от своего места дальше чем на шаг.

Звенигора нащупал в темноте несколько звеньев, поднял, положил на колени. Цепь как цепь. Таких на Сечи было полно – их выковывали в кузнях для разных хозяйских нужд. Но здесь это не просто цепь, а враг, которого необходимо одолеть.

Но как?

Порвать? Не порвешь! Перерубить или перепилить? Нечем.
Что же делать?

Звенигора мысленно перебрал десятки разных способов. Однако ни до чего путного не додумался. В бессильной злости намотал цепь на обе руки и рванул изо всех сил... Железо загремело, зазвенело, словно засмеялось над его бессмысленным усилием. Он бросил цепь под ноги, беспомощно улыбнулся в темноте своей наивности и, обхватив руками голову, повалился на скамью.

Но мысли точат мозг, как шашель дерево.

Вот если бы достать кусок камня-песчаника, им можно было бы постепенно перетереть одно из звеньев. Как бы не так! Где его возьмешь? На берег невольников не пускают! Из турок никто такой услуги не окажет... Так чего же терпеть себя призрачной надеждой!..

Вдруг вспомнилось, как дома, еще в Каменце сорвалась однажды с цепи собака и набросилась на нищих, что зашли было во двор. Арсен тогда был еще мальчиком, но и до сих пор помнит, как большой лохматый Цыган рванулся вперед, к незнакомцам, как звякнула натянутая, словно струна, цепь, как закричали перепуганные нищие, отбиваясь от пса посохами. Отец выбежал из мастерской и оттащил собаку назад, к будке. Нищих как ветром сдуло со двора. А отец, удивленный тем, что случилось, поднял с земли цепь.

«Какой сильный наш Цыган», – сказал тогда Арсен.

«Не в силае дело, – ответил отец. – Глянь-ка сюда. Видишь?» – и показал обрывок цепи.

Звенья ее в местах соединения так перетерлись со временем, что были не толще капустного листка.

«Ишь ты! – удивлялся тогда мальчик. – Такое крепкое железо, а перетерлось...»

«Время и железо переедает, сынок», – ответил отец и отбил молотком скобу, чтобы отдать цепь кузнецу для перековки.

Тогда Арсен так и не понял, как это время может переедать железо. А теперь, вспомнив то происшествие, чуть не вскрикнул от радости и даже подскочил на скамье. Затормошил Спыхальского и Романа, разбудил и зашептал:

– Вставайте! Да вставайте же! Хватит спать, сто чертей вам в бок!

– Что случилось, Арсен? Есть дают? – спросонья загудел Спыхальский. – Но еще ж рано, пся крев!

Звенигора зажал ему рот рукой.

– Тсс, пан Мартын... Думка тут одна пришла... Не хотело бы товариство узнать о ней?

– А чтоб тебе стонадцать болячек!.. И для того будить человека среди ночи? – рассердился Спыхальский, громко зевая.

– Помолчи-ка, пан Мартын! – сердито прошептал из угла Роман. – Дай дело послушать! Говори, Арсен.

Звенигора наклонился к ним и зашептал:

– Други, бежать нам удастся, наверное, не скоро. Но надо готовиться к этому. Что я надумал? Так вот, надо тайно перетереть цепь, чтобы в подходящее время разорвать ее и бежать с галеры или вступить в бой с турками. Это единственная наша надежда, единственная дорога на волю!

И Роман и Спыхальский схватили Арсена за руки.

– Как, у тебя есть чем пилить цепь?

– Нет, други, у меня ничего нет... Но наше терпение перетрет и железо! Будем тереть одно звено – железо об железо! Вы когда-нибудь видели старую цепь? Не примечали разве, как некоторые звенья стираются так, что таким дюжим казачинам, как мы с вами, ничего не стоит ее разорвать?

– Перетереть эту цепь? – разочарованно прошептал Спыхальский. – О matka боска!

– Конечно, не за день и не за два, пан Мартын! Может, за полгода, а то и за год... Должно ж когда-нибудь железо нам поддаться!.. А иначе что делать? Сидеть за веслом до смерти? Или, может, ты придумал что лучше?

Спыхальский только запыхтел.

А Роман, по-тульски акая, быстро заговорил:

– Другова выхода у нас и вправду нету! И чем скорее начнем, тем лучше! Сегодня! Сразу! Я согласен ночь не спать – до утра буду работать! Да еще как! Самого черта перетру... А следующую ночь – Звенигора, а там – ты, пан Спыхальский... Так и будем чередоваться... Ну как?

– Дело говоришь, Роман, – похвалил Звенигора. – Будем работать только по ночам.

– Как же нам ночью узнавать то звено, что будем перетирать? – спросил Спыхальский. – Не кошачьи глаза у нас.

– А, если б только эта помеха была самой трудной! – произнес Звенигора. – Завяжем на соседнем звене ленту какую-либо – вот тебе и метка! – И оторвал от шаровар узкую каемку.

3

Прошло лето. Незаметно наступила осень с порывистыми северными ветрами и надоедливой изморосью. Море стало мрачным, неприветливым. С его поверхности исчезла приятная голубизна, ласкающая взор, – вместо этого все чаще возникали пенистые буруны, и тяжелые холодные брызги долетали на палубу к гребцам.

Невольникам дали старые дырявые кафтаны и бешметы. Но они не спасали от холода и пронизывающего сырого тумана. Люди мерзли, коченели. Многих душил кашель, и гребцы беспрерывно кашляли, надрываясь.

«Черный дракон», как и другие турецкие военные корабли, все лето и осень сновал между Стамбулом и крепостями в устьях Днепра, Днестра и Дуная. Турция вела большую войну против России и Украины под Чигирином, и сотысячное войско великого визиря Ибрагима-паши требовало подкреплений, много боеприпасов и еды. Все это доставлялось главным образом по морю – силой невольничьих рук.

Назад везли раненых, награбленные на Украине богатства да ясырь – живой товар.

С конца лета, когда Ибрагим-паша начал терпеть поражения, «Черный дракон» перевозил потрепанные войска в Болгарию, на зимние квартиры.

Невольникам передышки не было. Паша Семестаф, желая выслужиться, каждый рейс старался сделать быстрее других кораблей, поэтому требовал, чтобы надсмотрщики выжимали все силы из гребцов.

Абдурахман бесновался, как никогда. Казалось, в него вселился шайтан. Он бегал по помосту, извергая поток проклятий и ругательств, нещадно избивая каждого, кто лишь на миг уменьшал усилия или перекидывался словом с соседом. Свой прежний арапник он заменил таволгой с терном. Связанные в тугие пучки прутья таволги и жесткого терна, усеянного крепкими и острыми, как иголки, колючками, висели на стене его каморки. Розовая таволга, покрывавшая густыми зарослями склоны оврагов и радовавшая взор своим приятным цветом, стала для невольников ужаснейшей пыткой. Тяжелые прутья колючками рвали тело даже сквозь плотную зимнюю одежду.

Все лето Абдурахман обходил Звенигору, помня его разговор с Семестафом-пашой, хотя и бросал на него злобные взгляды. Но продолжалось это лишь до осени, до того самого дня, о котором думал Звенигора, что придет он не раньше, чем через год или два.

В этот день Семестаф-паша спустился вниз к невольникам – время от времени он заглядывал во все закоулки корабля – и сказал Звенигоре:

– Кучук-ага, я получил сообщение из Каменца... Оказывается, там действительно есть несколько турецких купцов. Но, к сожалению, никакого Кучука среди них нет. Чем объяснит это Кучук-ага?

Звенигора никак не ожидал, что паша так быстро узнает про обман, и, застигнутый врасплох, на минуту замялся:

– Как – нет?.. Неужели он... умер?

– Э-э, дело в том, что он вовсе не умирал. Купец Кучук не мог умереть, ибо вообще не существовал на свете, жалкий раб! Я поверил тебе, презренный, и заплатил за свое легковерье – выбросил на гонца несколько курушей, которые, как я надеялся, вернутся мне приумноженными. А теперь знаю, что потерял их вовсе!

В это время Абдурахман стоял сзади и внимательно прислушивался к беседе. На его плоском лице проступало торжествующее злорадство.

– Странно, – будто раздумывая, сказал Звенигора. – А не мог тот человек ошибиться, эфенди?

– Не думаю. Он не первый раз выполняет мои поручения.

– И все же в Каменце он был обманут.

– Кем? Зачем?

– Моими врагами, которые продали меня в неволю.

– Я не желаю больше тратиться на тебя, раб! С меня хватит! Ищи теперь сам путь, чтобы известить своих родных!.. – бросил паша и, резко повернувшись, вышел.

В тот же день вечером Абдурахман зверски избил Арсена. Причины он и не искал. Просто считал, что настало его время. Схватив прут таволги покрепче и подлиннее, он подскочил к казаку и с размаху ударил по спине. Тонкие колючки глубоко впились в тело. Арсен вскрикнул от внезапной боли, пригнулся. А удары сыпались один за другим... Таволга стала красной от крови.

Кровавые брызги покрыли одежду и руки Абдурахмана. Он с наслаждением хлестал невольника. Долго ждал он этой минуты и теперь мстил и за то, что невольник его ударил, и за испытанное тогда унижение.

Воинов и Спыхальский стали кричать. Их поддержали остальные невольники. Прибежавший на поднятый ими шум корабельный ага оттащил Абдурахмана и с омерзением отшвырнул в темный угол окровавленную таволгу.

Арсен не помнил себя от боли. Вся спина была истерзана и горела огнем. Сжав зубы, чтоб не кричать, он еле держался за рукоять весла. А отпустить его не мог: это дало бы повод Абдурахману к новым истязаниям. Спыхальский и Воинов гребли и за него.

В эту ночь была очередь Арсена перетирать цепь. Но не то чтобы работать, он даже уснуть не мог. Лежал на животе и широко открытыми глазами глядел в темноту. Роман взялся выполнить ночную часть работы Арсена, а пан Мартын, хотя и любил поспать, заснуть не мог, потрясенный свирепым нападением Абдурахмана.

– Надо что-то придумать, братья, – шептал он. – Если до зимы не вызволимся, то пропадем, ей-ей, как рудые мыши, на этой проклятой каторге, разрази ее гром!.. Боюсь я за тебя, Арсен... Абдурахман, пся крив, не даст тебе житья, друг ты мой любимый... Тьфу, голова трещит от мыслей, а ничего толкового не идет!

– Да что тут надумаешь, пан Мартын? – отозвался Роман, изо всех сил перетирая цепь. – Вот сорвемся с привязи, тогда будем гадать... Немного уж осталось – больше половины перетерли. Вот ударить бы раз, другой, так и сегодня цепь распалась бы!

– Жди! А тем временем Абдурахман с Арсена шкуру, как старый жупан, сдерет... Да и с нас заодно!

– Ну что ж, надо его упредить! Задавить пса прежде, чем он нас загрызет!.. Лет шесть тому назад, когда отец наш, атаман Стенька Разин, заварил на Дону и на Волге кашу и стал

громить боярские усадьбы, приказчик, кровавый пес, наговорил хозяину, что я парней подговариваю идти на помощь к Разину. Велел барин меня схватить и забить насмерть батогами. Но и я не лыком шит! Как только верные люди шепнули мне об этом, я с друзьями подстерег приказчика в перелеске, когда он возвращался домой, и подвесил на березе. А потом, дождав-шись ночи, незаметно пробрался к помещицъему двору, под стогом сухого сена высек огонь и хорошенько раздул его... На десять верст вперед освещал нам пожар дорогу на Дон! И на сердце веселее стало оттого, что не с пустыми руками прибудем к славному атаману Разину...

– Гм, так вот ты, оказывается, какая птица, пан Роман, – промолвил Спыхальский. – А я и не знал... Ох и везет же мне на вас, шалопутные, Перун вас покарай!.. То пана Квочку встретил, царство ему небесное, теперь вот тебя, Роман... Может, и ты, пан Звенигора, такой же, как и они? А?..

– Все мы из одного теста, пан Мартын, – морщась от боли, усмехнулся Звенигора. – Но ты лучше не занимай этим голову. Мы в общем-то все неплохие люди!..

– Га, га, га! – захохотал Спыхальский. – В этом я и не сомневался. Мне сейчас даже стало весело от той мысли, что я наверняка наберусь от вас разбойничьего и своевольного духа. А вернусь на родную землю, в Польшу, натравлю хлопов против вельможного панства и пойду гулять по градам и весям, как Костка Наперский¹. О пан Езус!

– Сперва дай выбраться из этой дыры, пан Мартын.

– Так-то оно так, проше пана... Вот я и думаю, к чему это рассказал нам пан Роман притчу из своей жизни? Не лучше ли и нам опередить своего обидчика Абдурахмана и укокошить прежде, чем он сдерет шкуру с нас? Га?

– А что?! Славная мысль! – согласился Арсен. – Только дайте хоть немного очухаться. Но перетирать цепь надо как можно скорее. Время не ждет!

Долго еще они шептались в темноте. Никто не обращал на них внимания, никто не при-слушивался к их шепоту. Только где-то вверху глухо шумел ветер, завывая в снастях корабля, да словно из глубин моря доносился жалобный звук. То слышались стоны невольников, кото-рые бредили во сне и звякали кандалами, когда кто-нибудь переворачивался или протягивал ноги.

4

На другой день ветер усилился. Грести стало тяжелей. Корабль бросало, как на качелях.

С палубы звучали взволнованные голоса корабельных старшин. Из отдельных слов, что долетали в помещение гребцов, Звенигора понял одно: приближается буря! Он сразу же пове-дал об этом товарищам.

– Роман, брат, как хочешь, а цепь перервать надо сегодня! Мы с паном Мартыном будем грести одни... Остерегайся только, чтоб Абдурахман не заметил!

– Зачем же рисковать? – удивился Роман.

– В бурю легче совершить то, что задумали. Да и надсмотрщика способнее будет схватить. Смотри, как кидает его, сатану! Не удержится на помосте да, глядишь, очутится как раз в моих объятиях! Тут ему и каюк!..

– Не болтать, собаки! – издали заорал Абдурахман и, подскочив к Звенигоре, несколько раз хлестнул арапником.

Невольники опустили головы и дружной налегли на весло.

– Ну, погоди, пся крев, – прошептал Спыхальский, – попадешь же ты мне в руки!..

¹ Костка Наперский (ок. 1620–1651) – руководитель крестьянского восстания в Польше в 1651 году.

Весь день Звенигора и Спыхальский ворочали тяжелое весло вдвоем. Роман, покачиваясь в такт с гребцами, яростно тер железные кольца. Они жгли ему руки. Тогда он плевал на раскаленный металл и снова, еще неистовей, тер.

Перед вечером «Черный дракон» словно налетел на какую-то подводную преграду. Корабль содрогнулся. Гребцов швырнуло так, что они слетели со скамей. Как спички, треснули несколько весел. Абдурахман распластался на помосте и не поднимался. Послышались вопли отчаяния и страха. Кто-то стал выкрикивать слова молитвы.

Роман не держался за весло, и его отбросило сильнее других. Он упал со скамьи и, выставив руки вперед, чтоб не удариться головой о дубовую перегородку, покатился в носовую часть судна. Что-то обожгло ноги – невидимая сила сдирала кандалы вместе с кожей. В тот же миг вскрикнул от боли Спыхальский. Перекрывая невероятный шум и гвалт, его густой голос, казалось, заглушил и стоны невольников, и треск ломающихся весел, и рев бури.

Никто сразу не понял, что случилось. Медленно поднимались невольники, охая и потирая бока. Абдурахман позеленел от страха, бледными губами шептал молитву.

И тут все вдруг ощутили, что корабль не так качает, как раньше.

– Братья; тонем! – раздался чей-то испуганный голос.

– Езус-Мария!.. – выдохнул Спыхальский.

Вновь поднялся неистовый крик. Абдурахман бросился к лестнице и быстрее полез вверх. Вскоре он вернулся с корабельным агой.

– Тихо! – гаркнул ага. – Чего разорались, бешеные ослы? Корабль не тонет! Слава Аллаху, паша Семестаф – да продлятся его годы – мастерски ввел его в тихую бухту, и мы здесь переждем бурю. Разобрать весла – и всем за работу! Надо отвести судно в безопасное место, там заночуем.

Гомон улегся. Сломанные весла выбросили. Невольники принялись за свою работу. Никто на них теперь не кричал, никто не избивал: всех подгоняло желание спастись от смерти. Даже Абдурахман вроде притих и только исподлобья зло оглядывал гребцов.

Снова ударил барабан, однако его глухие звуки уже не падали тяжелым камнем на сердце невольников, не вызывали ненависти и отвращения – казалось, они предвещали спасение.

Звенигора и Спыхальский тоже с силой налегли на весло. Собственно, тянул его один Спыхальский, – стонал, а тянул, чтоб не выбиться из размеренного темпа, чтоб не отстать от других. Арсен помогал ему очень слабо: в изувеченной спине каждое движение отдавалось такой болью, будто на обнаженные, кровоточащие мышцы бросали горячую золу.

Роман возился в своем углу с цепью.

Вдруг он тихонько вскрикнул:

– Братья, готово! – От радости голос его дрожал. – Гляньте, цепь порвана! Недаром мне ноги едва не оторвало... Такой ударище был!

Спыхальский от радости подскочил на скамье:

– Ха, холера ясна! Дождались! Арсен, брат!..

– Тсс! Спокойно, панове-братья, – прошептал Звенигора одними губами. – Роман, скорее берись за весло! Ни одним словом, ни одним движением нельзя вы дать себя! Сейчас надо быть особенно осторожными... Поговорим ночью!..

Не веря себе, Роман дрожащими пальцами еще раз ошупал разорванное звено цепи и взялся за весло.

За бортом корабля бесновался северный ветер.

5

«Черный дракон», почти неразличимый в ночной темноте, слегка покачивался на волнах небольшой тихой бухты, окаймленной с суши высокими холмами.

Казалось, весь корабль погружен в сон. Часовые – на корме и на носу судна – натянули поглубже башлыки, плотно закутались в длинные абы² и, примостившись в защищенных от ветра местах, спокойно дремали. В тесных и душных каютах храпели янычары. На нижней палубе время от времени позвякивали во сне кандалами невольники.

Не спали только Звенигора, Воинов и Спыхальский. Молча лежали впотьмах. Выжидали, пока на корабле все заснут.

Протяжный свист ветра и глухой рокот разбушевавшегося моря способствовали их замыслам.

Около полуночи Роман осторожно вытянул из кандалов свободный конец разорванной цепи. Потом помог товарищам. Теперь они были почти свободны! Правда, оставались кандалы на ногах и находились невольники все еще на корабле, но это уже не так страшило.

Превозмогая боль, что терзала спину, Звенигора первым поднялся с ненавистой скамьи, тихо подошел к каморке, где спал Абдурахман. Легонько нажал плечом на дверь. Она приоткрылась. Из каморки донесся могучий храп надсмотрщика.

– погоди, Арсен! Дай-ка мне! – прошептал Спыхальский и протиснулся в каморку. Протянул в темноте свои длинные сильные руки и нащупал постель Абдурахмана. – Пся крив! Добрался-таки до тебя!..

Почувствовав на шее грубые пальцы, надсмотрщик проснулся и испуганно вскрикнул. Но Спыхальский зажал ему рот огромной ладонью.

– Арсен, растолкуй ему, что к чему. Объясни, что, к сожалению, не имеем времени и отправляем на тот свет, не угостив таволгой, холера б его забрала!

– Не нужно! Кончай скорей, пан Мартын! – прошептал Звенигора. – У нас много дел.

Абдурахман, должно быть, так и не понял, что произошло. Правая рука Спыхальского сжала ему горло, как клещами. Он метался недолго и вскоре затих.

– Един готовый! – коротко оповестил Спыхальский и, вытирая руку о штаны, с отвращением сплюнул.

Тем временем Роман разбудил всех невольников.

– Тихо, братцы! Вытаскивайте цепь. Сейчас закончится наша неволя!

Невольники быстро вытащили из кандалов толстую длинную цепь, которая держала их возле весел на привязи. Освобождаясь от нее, люди вскакивали со скамей, натыкались в темноте друг на друга, гремели кандалами.

– Да тише вы, черти! – прикрикнул Звенигора. – Стража услышит!..

Невольники застыли на своих местах. Спыхальский нашел в карманах Абдурахмана кресало и трут, высек огонь, зажег светильник. Тускло-желтый свет обозначил в темноте напряженные, окаменевшие лица.

Звенигора выступил вперед:

– Братья! Настал час, когда мы сможем освободиться! Берег – рукой подать! Доберемся вплавь... Но надо сделать одно – снять стражу на верхней палубе. Если удастся это без шума, мы спасены! На берегу собьем кандалы – и кто куда! Там уже каждый хозяин своей судьбы... А сейчас чтобы все тихо!.. Мы с друзьями снимем часовых. Нам нужен еще один сильный парень на помощь. Кто желает?

– Я, брате Звенигора, – донесся голос с кормы, и из тьмы медленно поднялась высоченная плотная фигура.

– Кто ты, человек? Откуда меня знаешь? – удивленно спросил Арсен.

– Грива я. Помнишь?.. Семибашенный замок в Стамбуле!..

Ну как такое не помнить? Звенигора обрадовался, что с ними будет еще один дюжий и храбрый казак, на которого в тяжелую минуту можно положиться.

² Аба – накидка, плащ (тур.).

– Иди сюда, брат! Почему же ты не подал знака? Почему не признался?

– Не хотел тебя выдать проклятому Абдурахману неосторожным словом. Да и сидел далеко, не с руки было, – прогудел Грива, придерживая кандалы и пригибаясь, ибо головой доставал почти до потолка.

Совещались недолго. Возбужденные невольники столпились у лестниц, ожидая сигнала.

Звенигора, Спыхальский, Воинов и Грива, крепко натянув кандалы, чтоб не звенели, тихо поднялись по ступеням вверх. На верхней палубе было темно, как в погребе. Ветер свистел в снастях и сыпал в лицо колючими дождевыми каплями. Справа грозно шумело море, слева едва вырисовывались неясные очертания высокого берега.

Постояли немного, взглядываясь в темноту. Потом Звенигора с Гривой заметили на носу темную фигуру часового и стали медленно подкрадываться к нему.

Спыхальский и Роман направились на корму.

Часовой дремал и не слышал, как к нему приблизились двое. Высоко занес кулачище Грива, что есть силы ударил турка по голове, тот тяжело осел на палубу.

Звенигора мигом снял с него ятаган, выхватил из-за пояса два пистолета.

Грива хотел сбросить тело часового в воду, но Звенигора остановил его:

– Подожди! Заберем одежду, пригодится!

Сняв одежду и завязав ее в тугой узел, беглецы сбросили янычара в воду. Теперь осталось дожидаться Романа и Спыхальского. Где же они?

Но вот из-за палубной надстройки вынырнули две тени. Спыхальский тяжело дышал. Узнав своих, вытянул вперед шею и заговорщически, как великую тайну, сообщил:

– Еще один!

Все поняли, что имел в виду поляк. Арсен молча пожал ему руку выше локтя, сказал:

– Теперь – добраться до берега. Зовите людей! Да чтоб без шума. Янычар не разбудить бы!

Роман метнулся на нижнюю палубу. Вскоре, один за другим, оттуда начали подниматься невольники. Быстро, выполняя приказ Звенигоры, спускались по якорной цепи в воду и исчезали в непроглядной тьме.

Звенигора с Романом и Спыхальским последними сошли с корабля. Холодная соленая вода как огнем обожгла Арсену спину. Кандалы на ногах тянули вниз. «Не все доплывут! Кто плохо плавает, потонет!» – мелькнула мысль. Но он ее сразу же отогнал – надо было позаботиться о себе, чтоб самому удержаться на поверхности и доплыть до берега. Каждый взмах руки причинял нестерпимую боль. К тому же соленая вода разъедала раны, хотелось выть, кричать... Но Арсен только сильнее сжимал зубы и широко загребал обеими руками.

Наконец почувствовал, что кандалы коснулись дна. Проплыл еще немного и вздохнул облегченно: под ногами галька и зернистый песок.

Выбрался на крутой, обрывистый берег и упал в изнеможении. Несколько минут лежал, переводя дух.

Когда беглецы немного отдохнули и разобрались по трое, как сидели на скамьях, оказалось, что шестерых нет.

– Ждать больше нельзя, – сказал Звенигора. – Если утонули, то помочь уже не сможем. А если где дальше выбрались на берег и сами выбрали путь, то пусть им будет удача во всем!.. Да и мы, друзья, должны сейчас разлучиться. Идти по чужой земле всем скопом опасно. По одному, по двое, по трое разойдемся в разных направлениях – ищи ветра в поле! Правильно я говорю?

– Да, да, правильно!.. – согласились все и, не теряя времени, начали небольшими группами разбредаться в глубь побережья.

С Арсеном шли Роман, Спыхальский и Грива. Мокрые, замерзшие, взобрались они на поросший густым кустарником холм и быстро, насколько позволяли кандалы, избавиться от

которых в темноте было невозможно, стали удаляться прочь от моря. Его сильный глухой шум постепенно уменьшался, стихал и где-то под утро совсем пропал...

Светало. Из-за низкого небосвода поднимался пасмурный осенний день. Беглецы сбили камнями с ног кандалы, отжали мокрую одежду. Звенигора надел кафтан и шаровары янычара-часового, за пояс заткнул пистолеты, которые, к сожалению, не могли стрелять, так как порох подмок, сбоку прицепил ятаган. Ятаган был такой острый, что Спыхальский побрил им Арсену голову, подровнял бороду и усы, и казак стал походить на настоящего турка. Несмотря на жгучую боль от ран на спине, которые были разъедены солью и кровоточили, Арсен не дал ни себе, ни друзьям долго отдыхать.

– Вставайте, шайтановы дети! – весело подморгнул товарищам. – Вперед! Вперед! Наше спасение – длинные ноги!

6

В первом же небольшом селении, примостившемся в глубокой балке между пологими склонами гор, они узнали, что попали в Болгарию.

Чтобы не вызывать подозрения у любопытных балканджиев³ своим одеянием и видом, Роман, Спыхальский и Грива выдавали себя за невольников, а Звенигора – за янычара, который их конвоирует.

За два первых дня они прошли далеко в глубь страны. Затем круто повернули на север, где синели высокие горы Старой Планины. Звенигора вел товарищей к Вратницкому перевалу и в Черनावоду, надеясь встретить там новые отряды Младена и Златку.

Шли большей частью кружным путем, изредка спрашивая у пастухов дорогу. Пересеченная отрогами Старо-Планинского хребта, глубокими оврагами и лесами, безлюдная местность надежно скрывала их от постороннего взгляда. В села заходили только тогда, когда донимал голод, а в карманах не оставалось съестного.

Перебравшись через бурливую Луду-Камчию, вошли в густой буковый лес. Черный и мрачный, без листьев, он навевал глухую тоску. С блестящих мокрых ветвей непрерывно падали тяжелые холодные капли. Шуршали под ногами опавшие листья.

Дорога круто поднималась вверх.

Вечерело.

Где-то впереди, за густыми зарослями, глухо шумел водопад. Усталые, голодные беглецы ускорили шаг. Надо было искать для ночлега место посуше.

Неутомимый огромный Грива осторожно раздвинул мокрые ветви кустов и замер, приложив палец к губам:

– Тсс!

– Бога ради, что еще там? – спросил выбившийся из сил Спыхальский. Усы его обвисли, и на их кончиках поблескивали капли воды.

– Хижина! И в ней кто-то есть... Смотрите, из трубы дым идет...

Беглецы остановились, выглянули из-за кустов.

Перед ними открылась большая, сбегаящая книзу поляна, протянувшаяся вдоль обрывистого склона. Посреди поляны, прижавшись одной стеной к скале, стояла старая деревянная хижина. Дальше за нею шумел небольшой водопад.

Вокруг – ни души. Только сизый дымок, который вился из трубы, говорил, что в хижине есть кто-то живой.

Друзья переглянулись.

– Обойдем или зайдем? – спросил Звенигора.

³ Балканджия – горец (болг.).

Все промолчали. Но потом Роман сказал:

– Мы очень устали, перемерзли... Нам тяжело видеть твои муки, Арсен! Тебе нужен знахарь, который залечил бы твои раны. Мы все видим, как ты теряешь силы... Думаю, нам не повредит, если зайдем в эту хижину, погреемся, отдохнем. Нас четверо. Кто нам сможет плохое сделать?

– Я тоже так думаю. Здесь, наверное, живут пастухи или лесники. Не янычары же, чтоб им пусто было! – поддержал Романа Спыхальский. – К тому же у каждого из нас добрая дубина в руках. А у Арсена – ятаган... Кого же нам бояться, панство?

– Тогда пошли, – согласился Звенигора.

Они вышли из леса и стали медленно приближаться к хижине. Арсену показалось, что в маленьком оконце, затянутом прозрачным бараньим пузырем, мелькнула неясная тень. Кто-то их уже заметил? Но навстречу никто не вышел. Грубо сбитая из тесаных досок дверь была плотно прикрыта. Казак толкнул ее, заглянул внутрь:

– Здравствуйте, люди добрые! Есть ли здесь кто?

Ответа не было.

Звенигора открыл дверь шире, и все четверо вошли в хижину. Это была довольно большая комната, в которой, несомненно, только что были люди. На широкой лавке, у стены, лежали два кожуха. На столе стояла большая глиняная миска, доверху наполненная горячей чорбой. Возле миски – две деревянные ложки. Хлеб. В углу печь с лежанкой из дикого камня. В ней весело пылали сухие буковые дрова. От огня по суровой комнате разливался красноватый свет и приятное тепло.

– Гм, сдается, мы здесь непрошеные гости, – сказал Звенигора. – По всему видно, что хозяева заметили нас и быстро спрятались. Куда? Во всяком случае, в дверь навстречу нам они не выходили!

– Но здесь имеется еще одна дверь, проше пана, – показал Спыхальский на темную деревянную стену, что перегородивала хижину пополам. – Побей меня громом Перун, если за ней не стоит по крайней мере один из тех, кто только что собирался хлебать эту ароматную чорбу, которая так и щекочет мне ноздри своим душком, холера ясна!

С этими словами пан Мартын толкнул еле заметные в полутьме дверцы, и удивленные беглецы увидели во второй половине хижины несколько овец, что безмятежно лакомились сухим лесным сеном, и высокого старого горца.

– Здравствуй, пан хозяин! – поздоровался удивленный не меньше других Спыхальский.

– Здравствуйте, – ответил горец, входя в комнату. Затем мрачно спросил: – Кто вы такие?

Звенигора выступил вперед:

– Извини, друг, что мы вошли без спроса в твой дом. Но не спрашивай, кто мы. А если ты добрый человек, то прими нас в своей теплой хижине – позволь переночевать!

Горец пристально осмотрел янычарскую одежду Звенигоры и, нахмутив седые брови, показал рукой на лавку:

– Садитесь. Если голодны, прошу отведать моей еды.

– Спасибо, – поблагодарил Звенигора. – Только, я вижу, вас двое собиралось ужинать. Понравится ли тому, другому, что мы без его согласия съедим предназначенную ему порцию чорбы?

– Никого, кроме меня, в хижине нет, незнакомец, – ответил старик. – А вторую ложку, как велит обычай, я положил для того, кто в пути.

«Гм, хитрый старик, выкрутился, – подумал казак. – Однако меня не проведешь! Не на такого напал!.. А зачем тогда два кожуха постелены на лавке! Тоже для гостя?»

Балканджий подал еще две ложки, и изголодавшиеся беглецы с жадностью набросились на горячую похлебку. Молчаливый хозяин хижины не садился к столу. Подбросил в печку

несколько сухих поленьев, принес охапку ароматного сена и, настелив его в углу возле печки, вышел из хижины.

– Не нравится мне, как он ведет себя, – тихо произнес Роман. – Отмалчивается и зыркает исподлобья, окаянный лесовик! Не лучше ли нам удрать отсюда, пока он не привел янычар?

Однако его никто не поддержал. Спыхальский после сытной горячей еды разомлел и посоловевшими глазами поглядывал на мягкую, душистую постель. Звенигора совсем расхворался. Спина покрылась жгучими язвами. Его была лихорадка. Гриве, видно, тоже не хотелось идти из теплого дома в мокрый осенний лес.

– Ладно, остаемся. Ложитесь, друзья, спать, а я подежурю до полночи, – сдался Роман. – Потом разбужу пана Мартына.

Все улеглись на сене вповалку. Спыхальский и Грива мгновенно уснули. Арсен долго метался в горячке, бредил, но наконец заснул и он. Только Роман отчаянно боролся со сном. Когда горец вошел и, задув свечку, лег на лавку, дончак ущипнул себя за ухо и широко открыл глаза. Потом попытался прислушаться к ночным шорохам, вглядываться в темноту. Стал припоминать разные истории из своей жизни... Потом дыхание его стало ровнее, веки против воли сомкнулись, и незаметно для себя он погрузился в забытие.

Первым проснулся от резкой боли Арсен. С тех пор как его избил Абдурахман, он спал лишь ничком, на животе. Поэтому он сразу почувствовал, как кто-то сел ему на спину, завернул руки назад и начал их вязать веревкой. От его крика проснулись все.

В хижине было светло: на столе горела свеча. Несколько человек стояли над беглецами, держа в руках пистолеты. Другие связывали руки.

Поняв, что они попали в западню, беглецы попробовали дать отпор. Грива вырвал руки и въехал кулаком в грудь нападавшему, но сильный удар пистолетом по голове уложил его. Досталось и Арсену с Романом. Один Спыхальский, не очнувшись как следует от сна, заметался и извергнул целый поток ругательств лишь после того, как его руки были крепко стянуты сыромятными ремнями.

Когда все закончилось и слышалось только тяжелое сопение связанных беглецов и их противников, один из напавших толкнул Арсена ногою в бок:

– Ну, ты, янычар, вставай! Рассказывай, какой шайтан занес тебя сюда! Да выкладывай все как на духу, собака! Не вздумай брехать!

– Да кто вы такие, черт вас заберит? Янычары или гайдутины? – спросил возмущенно Звенигора, подозревая, что перед ними скорее не янычары, а вольные хозяева гор. – Почему накинулись на нас, как псы? А ты, хозяин, хорош, потерял совесть и честь! Принял, накормил – и сам же выдал этим башибузукам?

Мрачный хозяин, сверля Арсена горящим взглядом, ответил:

– Никто вас сюда не приглашал! Вы сами ворвались, как ворюги! И не очень-то кричи тут, бездельник! Отвечай, пока по-хорошему спрашивают! Откуда здесь появились? Кто прислал?

– Никто нас не присылал. Мы сами пришли.

– Кто вы такие? Янычары?

– С чего вы это взяли?

– Не выкручивайся, видим по шкуре!

Звенигора взглянул на свою одежду, усмехнулся.

Действительно, он мог вызвать подозрение у гайдутин, если это вправду они. Хотя его одежда была забрызгана грязью, сильно измята, но сохраняла еще признаки янычарского наряда.

– Такую шкуру можно и скинуть!

– Это тебя не спасет, янычар!

– Как сказать, а то и спасет... Развяжите мне руки!..

Хозяин хижины посмотрел на стройного молодого парня, который начинал допрос:

– Развязать, Коста?

Тот утвердительно кивнул.

Сопя, старик нагнулся и перерезал ножом веревку. Расправив руки, Арсен не спеша снял янычарский бешмет. Потом взялся за сорочку. Потянул – и почувствовал острую боль по всей спине. Сорочка присохла, вросла в глубокие язвы. Стиснув зубы, изо всех сил рванул ее через голову и, скомкав, кинул в угол. Повернулся спиной к свету:

– Смотрите!

В хижине стало совсем тихо. Стало слышно, как потрескивает свеча.

– О леле! – вскрикнул Коста. – Что это у тебя, человеке? Вся спина в язвах, в крови!

Вместо ответа Арсен, перемогая боль, спросил:

– Теперь говорите, кто вы?

– Мы – гайдутины!

Звенигора с трудом присел на сено, облегченно вздохнул:

– Я так и думал... Ведите нас к воеводе Младену!

Коста переглянулся с товарищами.

– Ты, незнакомец, знаешь воеводу?

– Да.

– Кто ты и твои товарищи?

– Мы невольники. Бежали с каторги...

– Руснаки?

– Да.

– Гм... Вот так притча! – почесал затылок Коста. Видно было, что он смущен и не знает, как поступить. – До воеводы Младена далеко... Да и не имею права вести вас туда, чужеземцы. Или вот что... Проведу я вас к Драгану, а он уже пусть решает, что с вами делать. Не так ли, друзья?

Гайдутины в знак согласия закивали:

– Да, да!

– К Драгану? Так это же мой друг! – вскрикнул Арсен, стараясь подняться. – Ведите нас быстрее к нему!

Однако силы наконец изменили ему. Голова закружилась, и он, весь окровавленный, повалился на пол. К нему кинулись Роман и Спыхальский.

– Сто дзяблив! Довели, доконали человека!.. – ворчал пан Мартын. – Лайдаки, проше пана!..

Мать и сын

1

Высоко в горах, среди неприступных скал, на заросшей соснами и елями тихой долине стоит несколько новых хижин. Сложенные из грубо обтесанных бревен, они кажутся издали приземистыми грибами, из верхушек которых вьются сизые дымки. Перед хижинами бормотал свою нескончаемую песню небольшой ручеек с прозрачной ледяной водой.

Там, где ручей перегорожен, разлилось небольшое живописное озерко. На его берегу, на плоском камне, стоит девушка. Крепким березовым вальком изо всех сил колотит мокрое белье, а от ударов во все стороны разлетаются брызги, словно блестящие искры.

На другой стороне поляны, где виднеется единственный выход из тесной долины, стоит, опираясь на дубовую палку, представительный, средних лет человек в красивом, расшитом узорами кожаном, прикрыв глаза рукой, всматривается в еле заметную тропинку, что вьется между скал.

– Ох, горе нам! – воскликнул он. – Опять кого-то несут на носилках! Предупреждал ведь Драгана: «Береги людей, их у нас так мало осталось, не ввязывайся в бой с янычарами! Захвати языка – и возвращайся назад!» Так нет...

– Кого это, отец? – вскочила девушка.

– Сейчас узнаем, Златка. Впереди, кажется, Дундьо, за ним Славчо... Носилки несут... Возле них не узнаю кто... Какой-то усатый! Кто бы это мог быть?.. А вот Драгана не видно... Неужели это его несут? Убитого или раненого?

– Драгана? – подбежала Златка. – Бедная Марийка! Как она это переживет... Надо позвать ее!

Она вся напряглась, словно собралась взлететь, как птица, и лететь к своей подруге.

За время пребывания в гайдутинском стане, в отдаленном, диком уголке Старой Планины, Златка близко сошлась с Марийкой, ставшей женою Драгана. Быстро переняла от нее обычаи балканджиев, умение вести нехитрое гайдутинское домашнее хозяйство, целый ряд словечек, характерных для говора горцев.

Отец каждый день учил дочку стрелять из пистолета, рубиться на саблях и ездить верхом на коне. Старый воевода считал, что его дочь, живя среди повстанцев, обязана научиться всему, что умеют они.

Свободная жизнь в горах, военные упражнения и посильная работа закалили девушку. Она сохранила гибкость стана, матовую нежность лица, но приобрела гордую, независимую осанку, загорела на солнце и ветре, в глазах, вместо покорности и страха, появилось выражение спокойной уравновешенности, решимости и готовности постоять за себя.

Это уже была не та Златка, что полгода тому назад, – так изменила ее жизнь.

Сейчас, в минуту тревоги, ожидая опасности, новые черты особенно ярко проявились в ее внешности. В другое время воевода залюбовался бы дочкой – такая она была красивая, – но теперь не до того.

– Погоди! – остановил он. – Не пугай раньше времени Марийку! Да вон, кажется, и сам Драган с парнями... Он, наверное, малость отстал... Нет, на носилках кто-то другой... Беги-ка приготовь все, что нужно, для раненого!

Но Златка вдруг вскрикнула, бросилась вперед, к самому обрыву. И застыла неподвижно, прижав ладонь к губам, будто хотела что-то сказать и вдруг передумала. Пристально, не отрывая глаз, всматривалась в тех, кто шел впереди приближавшегося отряда.

– Что с тобой, доченька? – встревожился воевода. – Что там такое увидела?

– Отец, ты сказал, какой-то усатый? Так ведь это Спыхальский! Я тебе рассказывала о нем...

Девушка побледнела. Воевода обнял дочку:

– Не волнуйся, Златка. Это еще ни о чем не говорит. Почему ты думаешь, что со Спыхальским обязательно должен быть и Звенигора?

– Не знаю... Но почему-то так жутко вдруг стало на сердце...

– Успокойся, глупенькая! Сейчас мы обо всем узнаем.

Златка вся дрожала. Разве отец понимает, отчего у нее так бьется сердце, почему краска сбежала с лица и похолодели руки?.. После трагических событий в Чернаводском замке, когда спаслась только треть отряда гайдутин и воевода вместе с ними построил в дикой неприступной местности новый стан, забрав туда Златку, о бравом казаке Звенигоре здесь говорили только в прошедшем времени. Восхищались его мужеством, хвалили за преданность друзьям. Но разговоры эти были от случая к случаю. О нем просто вспоминали порой. И никто не сомневался в том, что казак погиб. Только Златка и Яцько, который спасся вместе с немногими, думали о нем, верили, что он когда-нибудь, может, не скоро, но вернется к ним. Златка только и жила надеждой на это.

И вот появляется Спыхальский! Что-то он поведаст ей об Арсене?

Гайдутиньи приближались. Когда до стана осталось шагов триста, вперед вырвался Яцько, быстро побежал вверх к Златке и воеводе Младену.

– Златка! Зла-а-тка-а!.. – донесся его голос.

Девушка вихрем помчалась вниз. Воевода не успел даже протянуть руки, чтоб задержать ее. Девушка легко, словно серна, перепрыгивала камни и мчалась навстречу гайдутинам. Голос Яцько сказал ей все.

– Арсен?! Арсен!!

– Он! Живой! – Яцько весело улыбался. – Убежал с друзьями с каторги...

Последних слов паренька она уже не слышала: бросилась к носилкам. Не заметила даже, как, увидев ее, расправил рукою усы и расцвел в улыбке пан Спыхальский. Сразу узнала Арсена. Видела только его. Лежал он вниз лицом, бледный, осунувшийся, с закрытыми глазами и крепко сжатыми, пересохшими от внутреннего жара губами.

Осторожно взяла его за руку. Он открыл глаза и вздрогнул:

– Златка!.. Любимая!..

Девушка сквозь слезы безмолвно кивнула и сжала казаку руку, стараясь совладать с собой. Арсен тоже не произнес больше ни слова, только держал в своей горячей руке холодные пальцы Златки и, пока несли носилки вверх, блестящими глазами не отрываясь смотрел на ее побледневшее, но такое милое, такое родное лицо.

2

Счастье как вино – пьянит... Увидев Златку, а потом воеводу и Якуба, Звенигора почувствовал, как у него, будто от хмеля, зашумело в голове. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Еще никогда в жизни ему не приходилось так волноваться, как сегодня. Хотелось сразу обо всем расспросить, обо всем узнать.

После коротких приветствий его занесли в хижину.

– Где же... Анка? – спросил Арсен, не видя ее среди встречавших их гайдутин.

Лицо воеводы помрачнело.

– Она не может выйти, Арсен. Тяжело болеет... Но ты ее увидишь, как только сам встанешь на ноги.

Якуб и Драган помогли Арсену раздеться, положили на широкую скамью, застеленную кошмой. Когда сняли сорочку, Якуб охнул, скрипнул зубами. Вся спина казака была покрыта страшными язвами и незаживающими ранами.

– Узнаю таволгу, – потемнел Якуб. – Какое изуверство!

– Да, это таволга... Прошло уже больше недели, а кажется, до сих пор в теле колючки торчат...

– Ну, потерпи немножко... Я помогу тебе. Сейчас мы искупаем тебя в горячей воде, настоящей на хвое и коре дуба. Потом смажу бальзамом... И всемилостивый Аллах поможет мне быстро поставить тебя на ноги, – пообещал Якуб.

Он обрадовался Звенигоре, как родному сыну, и прилагал все усилия, чтобы облегчить страдания казака. Ему во всем помогали Златка и Драган.

На другой день вечером, когда Арсен благодаря врачеванию Якуба и заботливым хлопотам Златки почувствовал себя значительно лучше, возле его кровати собрались воевода Младен, Драган, Якуб.

В хижине было тепло и уютно. Желтые стены пахли смолой. В печке весело пылали сухие сосновые ветви.

Воевода Младен за время их разлуки еще больше поседел и осунулся. Он сел рядом с Арсеном, положил раненую ногу на скамейку. Напротив, у стола, пристроились Якуб и Драган. Звенигора уже знал, что молодой гайдутин в последнее время стал правой рукой воеводы и пользуется среди балканджиев всеобщим уважением.

– Друзья, – произнес воевода, – мы все рады, что снова собрались вместе. Если б не тяжкая болезнь Анки, нас было бы здесь пятеро. Но ей нельзя волноваться, поэтому сегодня обсудим все без нее и даже не скажем ей, о чем шла речь.

– Случилось что-нибудь серьезное? – встревоженно спросил Звенигора.

– Нет... ничего особенного... Короче говоря, в наших краях снова объявились Гамид и... Сафар-бей, – тихо ответил воевода, и Арсен заметил, как болезненно задергалась у него левая щека. Но Младен пересилил себя и дальше говорил твердым голосом: – На днях Драган по моему приказу произвел глубокий разведывательный выезд к Загоре и Сливену. Мы узнали, что войско великого визиря Ибрагима-паши после неудачного похода на Украину, где оно потерпело поражение под Чигирином, возвратилось назад и стало на постой на всю зиму в Болгарии. Вернулись в Сливен также Гамид и Сафар-бей со своими отрядами.

– Неужели они помирились, Драган? – быстро спросил Якуб.

– Наши люди рассказывают, что отношения у них весьма холодные. Отряды их расквартированы в разных частях города. Сами они почти не встречаются. Разве что по служебным делам у околийного паши.

– Постойте, постойте, я что-то не понимаю вас... – прервал друзей Арсен. – О какой ссоре между Сафар-беем и Гамидом идет разговор?

– Да, ты же этого не знаешь, Арсен, – сказал Младен. – Помнишь наш разговор с Сафар-беем в Чернаводском замке? После этого ага имел стычку с Гамидом и порвал с ним дружбу. Он даже ушел от Захариади, известного лекаря, у которого лечился и Гамид. Узнав об этом, Якуб возвратился в город и две недели лечил Сафар-бея...

– Ненко, – вставил Якуб. – Не Сафар-бея поставил я на ноги, а твоего сына, Младен, который без меня мог бы лишиться руки, а то и самой жизни... Рана у него была неглубокая, но опасная. Он потерял много крови. Немало пришлось повозиться с ним. И кажется, он благодарен мне... Правда, все мои уговоры, чтобы он бросил службу в янычарском корпусе и признал Младена и Айку родителями, успеха не имели. Как только Ненко выздоровел, он сразу же выступил с отрядом в поход на Украину.

– Тысячи, если не десятки тысяч, воинов сложили там головы, а Гамид и Сафар-бей вернулись целы и невредимы, – с горечью в голосе произнес Младен.

– Младен!.. Не говори так о Ненко!

– У меня нет больше сына, Якуб...

– Но ведь Анка думает иначе!

– Она мать. К тому же она тяжело больна... Но не об этом сейчас разговор, друзья. Я хочу говорить сегодня только о Гамиде. Мы все трое – Якуб, Арсен и я – имеем много причин ненавидеть этого человека лютой ненавистью и жаждать его смерти! Но, вопреки нашему горячему желанию, этот изверг до сих пор ходит по земле и сеет зло. Настало время расквитаться с ним за все его дела! Мы не должны упустить такой удобный случай: Гамид целую зиму вынужден находиться в Сливене. Так воспользуемся этим, друзья!

– Я давно об этом говорю, Младен, – сказал Якуб.

– Да. Однако ж Гамид только сейчас появился в наших краях.

– Я не хотел бы убивать его из-за угла. Для него это слишком легкая смерть! Мы должны выкрасть его и судить нашим судом! – горячился Якуб.

– Я полностью согласен с тобой, Якуб. А что скажут наши молодые друзья?

– Я Гамида не знаю, – сказал Драган, – но, конечно, я с вами всегда.

– Присоединяюсь к вашему союзу, – произнес Звенигора. – У меня тоже есть что сказать этому выродку! Дайте только на ноги стать!

– Через две недели ты будешь вполне здоров, Арсен. Раны затянутся, а сил тебе не занимать. К тому же они будут прибывать с каждым днем, – успокоил казака Якуб.

– Итак, решено: все наши помыслы, все усилия направим на то, чтобы покарать мерзкого пса Гамида! – сказал Младен. – Драган, предупреди наших людей в Сливене, чтобы следили за каждым его шагом!

– Он очень осторожен, собака, – ответил Драган. – Из дома почти не выходит. А если и выходит, то с охраной.

– Ну что ж, возьмем вместе с охраной. Пойдем всем отрядом! Если ж не удастся поймать, рассчитаемся на месте! Никаких других действий против врага не будем предпринимать, пока не покончим с этим негодяем! – Младен протянул руку, и сразу же три руки протянулись навстречу и сплелись в крепком пожатии. – Клянемся: до тех пор пока жив наш враг, мы не отступим от нашего договора! Если смерть сразит кого-нибудь из нас, другие отомстят Гамиду и за него!

– Клянемся!

3

Прошел месяц. Звенигора поправился, набрался сил на гайдутинских харчах и горном приволье. На щеках заиграл румянец, а в глазах появился жизнерадостный блеск.

Не узнать было и его друзей. Роман ходил гоголем. К его пшеничному чубу и яркосиним глазам очень шел гайдутинский наряд: белый колушок с черно-красной вышивкой и узкие белые штаны, заправленные в мягкие юфтевые сапоги. Звенигора шутил: «Ты, Роман, как девица! Хоть замуж выдавай!» Пожилой Грива посерьезнел, стал еще кряжистей и крепче. А пан Мартын, ощутив, как снова в жилах заиграла кровь, принял постепенно свой обычный высокомерный вид. Гордо задирал голову, а старательно подстриженные усы, прежде взлохмаченные и опущенные книзу, молодецки закручивал вверх.

Но в гайдутинском стане радости не было: тяжело болела Анка. В последнее время ей стало совсем плохо.

Сразу после разгрома в Чернаводе и встречи с сыном она долго тосковала, прихварывала. Густая сизая изморозь покрыла ее густые волосы, под глазами легли глубокие синие тени. Однако летом и осенью, пока было тепло, она еще держалась на ногах. А когда над Планиной прошумели осенние дожди, а потом закрутили холодные метели, женщине стало намного хуже.

Жаловалась на боли в левом боку, на одышку, мерзла, несмотря на то что гайдутины с утра до ночи топили в хижине. Златка не отходила от матери, поила ее горячим козым молоком с горным медом, давала снадобья, приготовленные Якубом, обкладывала ноги мешочками с горячими отрубями и песком.

Воевода Младен осунулся и постарел.

Однажды весь стан всполошился. Слух о том, что Анке стало еще хуже, мигом облетел хижины, и гайдутины высыпали наружу. Звенигора и Драган зашли в дом воеводы. Здесь пахло настоями трав и зеленой хвоей, раскиданной по земляному полу.

Анка лежала на высоко взбитых подушках, тяжело дышала. У нее в ногах сидела Златка. По щекам ее сбежали слезы. Якуб подогревал над огнем какое-то ароматное питье.

Звенигора и Драган остановились у порога.

Воевода, склонившись к жене, шептал:

– Анко, Анночко, что это ты надумала?.. Подожди весны – тепла, солнца! Я возьму тебя на руки, подниму на высокую гору, оттуда взглянешь на всю Болгарию. Может, милые виды ее вдохнут в тебя новые силы, а теплый весенний ветер с Белого моря отогреет твою кровь... Не болей так, моя дорогая! Не причиняй мне, и Златке, и всему нашему товариществу горе! Анко!..

Он опустился перед кроватью на колени, взял бледные, исхудавшие руки жены, прижал их к щекам. Плечи вздрагивали от рыданий, которые он пытался сдержать невероятным усилием воли.

Златка мокрым платочком тщетно вытирала слезы. Якуб перестал помешивать в горшочке, закусил губу. Звенигора и Драган опустили головы.

Анка улыбнулась болезненно, виновато.

– Младен, любимый мой! Не видать мне больше наших милых гор, нашей Планины... И не вынесешь ты меня на высокую гору... Разве что мертвую... чтоб я вечно смотрела на родную Болгарию... Но и оттуда я не увижу своего сына... своего Ненко... Я так хочу встретиться с ним... в последний раз... Хочу насмотреться на него... перед смертью. Ибо за жизнь не насмотрелась...

Она замолчала и отвернулась к стене.

Младен растерянно оглянулся вокруг.

– Но это же, милая, невозможно сделать, – сказал он тихо. – Ненко – янычар. Он в Сливене... Ты не можешь поехать к нему, а он...

В хижине нависла долгая мрачная тишина. Потрескивали дрова в очаге, гудело в трубе. Слышалось хриплое, прерывистое дыхание больной.

– А он... может прибыть сюда! – раздался вдруг голос Звенигоры.

Анка встрепенулась, подняла голову.

– Как?

Младен удивленно, с горечью взглянул на казака. Но Арсен и не заметил этого.

– Мы привезем его сюда!

Воевода резко поднялся. В его глазах вспыхнул гнев.

– Арсен, ты понимаешь, что говоришь? – И, понизив голос до шепота, добавил: – Ты обезумел! Ожидание, надежда придадут больной силы. Эти дни она будет жить, чтобы дожидаться встречи... Но если Ненко не приедет, это убьет ее!

– Он приедет! Не может не приехать! А не захочет – силой привезем его!

– Как же это сделать? Вас немедленно схватят в Сливене! Там полно войск! Кроме того, мы подвергаем опасности свой новый стан...

– Младен, это... моя последняя просьба к тебе, – тихо проговорила Анка.

Воевода опустил плечи, помолчал. Потом махнул рукой:

– Ладно.

4

День был ветреный, холодный. Вместо мелкого колючего снега, что шел в горах, здесь, в долине, сыпалась надоедливая морось. Пронизывающие колючие иглы секли лицо. Гайдутины кутались в грубошерстные епанчи⁴, глубже натягивали шапки. Вздрагивали и фыркали мокрые кони.

Драган дал знак остановиться. Четыре всадника спешили, завели лошадей в узкое мрачное ущелье, привязали к деревьям. Возле них остался Дундьо. Он по-медвежьи, неуклюже обнял всех уходящих:

– Счастливо, друзья!

Когда стемнело, Драган, Якуб и Звенигора вошли в город. Узким переулком, залитым жидкой, чавкающей под ногами грязью, добрались до базарной площади. Драган оглянулся и, убедившись, что вблизи никого нет, постучал в ставни большого высокого дома. Двери быстро открылись, показался хозяин.

– Кто тут? – спросил, присматриваясь к темным фигурам.

– Бай Димитр, поклон от воеводы, – прошептал Драган, заходя в сени.

– Прошу в дом, друзья, – так же тихо ответил хозяин и, закрыв за ними двери, закричал: – Майка, майка⁵, дай нам чего-нибудь подкрепиться!..

– Что узнал, бай Димитр? – спросил Драган, ставя на стол чарку.

– Выведал все, что надо. Сафар-бей расквартировал своих головорезов в замке, а сам остановился у богатого спахии Онбаши.

– Это хорошо. В замке его труднее было бы взять.

– Дом Онбаши тоже усиленно охраняется. Сафар-бей всюду выставил стражу.

– Вот как!

– Но рядом с Онбаши живет мой старый приятель Станко. Этого не предусмотрел ага, – улыбнулся Димитр. – Правда, пришлось немало потрудиться, чтобы уговорить Станко помочь нам, но все же согласился. Он оставит на ночь ворота незапертыми, а также выставит из сарая лестницу – ею вы воспользуетесь, чтобы пере лезть через каменную стену, которая отделяет усадьбу Онбаши от двора Станко. А с той стороны опуститесь по веревочной лестнице – я приготовил...

– Спасибо, бай Димитр.

– Теперь смотрите внимательно. – Бай Димитр взял из очага головешку и начал быстро рисовать на краю стола. – Это дом Онбаши. С улицы в него только один вход – там всегда стоит янычар... Второй часовой – на углу возле ахчийницы. Третий, конный, все время проезжает от одного к другому. Очевидно, для того, чтобы не заснули или не отлучились куда-нибудь... Остальные янычары – более десятка – живут в одной из комнат дома Онбаши, но они обычно ложатся спать вместе с курами. Зато сам Сафар-бей засиживается допоздна.

– Возле его двери нет часового?

– Внутри дома нет. А вот в саду, куда выходят окна комнаты Сафар-бея, после того, как ага ложится спать, обязательно стоит один янычар. Поэтому опаздывать нам нельзя.

– Еще раз спасибо, бай Димитр. Думаю, все будет хорошо. Теперь отслеживайте другого зверя – Гамида! Этого будет нелегко захватить. Но взять должны! Веди нас, бай Димитр!

⁴ Епанча – плащ, длинная широкая накидка (*тур.*).

⁵ Мать (*болг.*).

5

Якуб пересек улицу и остановился напротив большого двухэтажного дома Онбаши. В окнах мигал трепещущий свет свечей. Перед дверями стоял дежурный янычар.

– Дур! Кто такой? – заступил он дорогу Якубу.

– Кагамлык! – обрадовался Якуб. – Ты ли это? Вот не думал встретить знакомого! Надеюсь, ты не забыл Якуба?

– А-а, старик! Откуда ты вдруг взялся? – вытянул шею янычар и покрутил небольшой, круглой, как булава, головой.

– Услышал, что ага с отрядом вернулся с войны, и решил проведать. Узнать о здоровье, да ниспошлет его Аллах... Да и дело у меня к нему...

– Гм, не мог ты другое время выбрать, старик? Ночь на дворе!

– Только вечер. А днем Сафар-бею не до меня: служба, поездки, друзья. Разве найдет он хоть минутку для старого знахаря, когда у него ничего не болит? О нас вспоминают, когда припечет!

– Ну, тебе-то он обрадуется! Чем ты сумел покорить его сердце?

Якуб не ответил на вопрос.

– Так можно пройти?

– Да иди уж... Сначала прямо, а потом – последние двери налево. Представляю, как удивится ага!

«Я тоже представляю», – подумал Якуб и вошел в полутемный длинный коридор.

Нашел последние двери, постучал. Услышав голос Сафар-бея, порывисто открыл дверь и вошел в комнату. Освещена она была скупо, только одной свечой, поэтому углы были в густой тени. У противоположной стены, за низеньким столиком на кривых ножках, сидел Сафар-бей. Он сразу же поднялся:

– Якуб? Вот не ждал! Заходи, садись, гостем будешь! Салям!

– Салям! Правда, у гяуров-урусов есть пословица: «Непрошенный гость хуже татарина»!

– Ну что ты говоришь, Якуб! Я тебе всегда рад, сам знаешь! Садись.

Якуб сел на низкую мягкую тахту, что стояла между окнами, Сафар-бей – на стул напротив. Выглядел он усталым и бледным. Глаза глубоко запали, между бровями появились морщины.

– Как воевалось, Ненко?

– Не называй меня так, Якуб, – скривился ага и с горечью в голосе добавил: – Воевалось? Очень плохо... Гяуры не отступили ни на шаг! И хотя нас было в полтора раза больше под Чигирином, мы не смогли взять эту крепость. А сколько верных защитников ислама сложило свои головы в полудиких сарматских степях! Скольких отважных рыцарей недосчитался падишах после месячной осады этого проклятого города!

– Чем же это можно объяснить?

– Аллах отступился от защитников славы падишаха!

– Нет, Ненко, не обвиняй Аллаха. Должно быть, вся причина в том, что казаки и урусы защищали свою землю, свою свободу, а это удваивало их силы.

– Думаю, Якуб, ты не учить меня пришел в такой поздний час?

– Конечно нет, Ненко. У меня серьезное дело. Нас здесь никто не услышит?

– Никто. Говори смело.

– Ненко, умирает твоя мать.

– Что?! – Сафар-бей ожидал всего, только не такого известия. По лицу промелькнула мучительная тень, которую ага напрасно пытался скрыть от собеседника. – Моя мать?..

– Да, мой дорогой Ненко. Ей очень плохо.

– Чем же я могу помочь ей? Я даже не знаю, где она.

– Она хочет видеть тебя.

– Но это же невозможно! – воскликнул пораженный Сафар-бей.

– Почему невозможно? Какая бы стена ни разделяла вас до этого, перед смертью той, что дала тебе жизнь, она должна пасть!

Сафар-бей наклонил голову. Молчал. Пальцы невольно и быстро перебирали складки широких шаровар.

– Куда ехать? Далеко? – спросил глухо.

– Я проведу тебя... На третий день ты снова будешь в Сливене.

– И гайдутины не побоятся впустить меня в свой лагерь?

– Мы завяжем тебе глаза. Гайдутины вынуждены будут это сделать.

– Ты говоришь так, Якуб, словно и сам гайдутин...

– Не об этом сейчас разговор. Что же ты решаешь?

– Мне жаль разочаровывать тебя, Якуб, но я никуда не поеду. Со временем об этом станет известно беглер-бею. Я не могу рисковать своим будущим.

– На войне ты каждый день рисковал жизнью, Ненко, и, уверен, не боялся!

– Там совсем другое. Там шла война.

– Это твое последнее слово?

– Да.

Якуб поднялся, взял со стола подсвечник со свечой и подошел к окну. Постоял в глубокой задумчивости, тяжело вздыхая и с сожалением качая головой. И если бы Сафар-бей не был так взволнован, он заметил бы, что Якуб, пристально вглядываясь в темный сад, дважды поднял и опустил перед собою свечку. Но, занятый своими нелегкими мыслями, ага пропустил это мимо внимания. Якуб вернулся назад и поставил подсвечник на место.

– Я думал, у тебя мягкое сердце, Ненко.

– Будь у меня мягкое сердце, я бы не был воином, Якуб.

За окном послышался шорох и стук. Сафар-бей вскочил на ноги. С подозрением глянул на Якуба:

– Что там?

– Не волнуйся, Ненко. Тебе ничто не угрожает.

Двери приоткрылись. В комнату бесшумно проскользнул Звенигора, а за ним Драган. Сафар-бей кинулся к стене, где висело оружие. Но Арсен молниеносно пересек ему путь и направил в грудь черное дуло пистолета:

– Спокойно, Сафар-бей! Салям! Разве так принимают гостей?

– Что вам нужно? – побледнел ага.

– Уважаемый ага, Якуб уже все объяснил тебе. Но ты оказался бессердечным человеком. Поэтому приходится разговаривать с тобой несколько иначе. Позволь твои руки! Драган, давай веревку.

– Урус, ты мстишь мне за то, что в Чернаводе я отправил тебя в плен? Но поверь, я потом передумал и хотел приказать...

– Я знаю об этом, – ответил Звенигора. – Якуб мне рассказал. И хотя благодаря тебе я почти год провел на каторге, мстить не собираюсь. Но об этом успеем поговорить в дороге. Времени у нас там хватит. Вяжи, Драган!

6

На второй день в полдень все тридцать гайдутин, оставшихся зимовать в горах, столпились возле хижины воеводы. Младен стоял впереди. Только Златка осталась с больной матерью.

Снизу, по вьющейся горной тропинке, поднимались пять всадников. Гайдутины молча смотрели на них, собственно, на одного – с завязанными глазами. Он ехал вторым, сразу за Драганом.

– Быстрее! Быстрее!.. – закричал со скалы Яцько, размахивая шапкой.

Воевода волновался, хотя и старался не показывать этого. Но по тому, как он побледнел, а потом снял шапку и скомкал ее в руке, гайдутины могли догадаться, какие чувства бурлят в сердце их вожака. Резкий ледяной ветер трепал его длинный седой чуб, бросал в лицо колючим снежком, но Младен будто не замечал холода. С обрыва неотрывно всматривался в приближавшегося к нему сына.

Наконец всадники миновали скалу, на которую забрался Яцько, и остановились перед хижинами, откуда открывался вид на глубокое ущелье, затянутое снежной мглой. Арсен снял повязку с глаз Сафар-бея.

– Здравей, воевода! Здравейте, другари! – поздоровался Драган, спрыгивая с коня. – Какво правите?⁶

– Здравейте! Здравейте! – Младен обнял каждого из прибывших и остановился перед Сафар-беем.

Наступила глубокая тишина. Все затаили дыхание. Хмурые обветренные лица гайдутин повёрнулись к янычарскому аге. Противоречивые чувства бурлили в сердцах повстанцев. Так вот он какой, Сафар-бей, их самый злейший враг! Молодой, статный, удивительно похожий на госпожу Анку, он ловко сидел на коне, оглядывая черными жгучими глазами гайдутин и их стан. Несмотря на усталость и волнение, которое охватило его, он старался держаться горделиво, не опускал глаз под пронизывающими взглядами гайдутин.

Узнав воеводу, быстро спрыгнул с коня, застыл напряженно, не выпуская поводьев из рук.

– Здравей, сыну! – тихо произнес воевода, пристально глядя в лицо аги.

Сафар-бей не выдержал взгляда воеводы. Опустил глаза. Арсен, что стоял рядом, мог бы присягнуть, что у него задрожали губы.

– Здравей... тате!

Слова эти, видно, стоили Сафар-бею огромного усилия, ибо голос его дрогнул и прозвучал хрипло.

Собравшиеся всколыхнулись, пронесся легкий, почти не слышный в порыве ветра вздох. Старый Момчил крикнул, будто у него запершило в горле. Якуб отвернулся и молча вытер затуманившиеся глаза.

– Спасибо, сын, что приехал. Пойдем в хижину, – пригласил Младен. – Там твоя майка... ждет тебя... О боже, слишком долго она тебя ждала, бедная!..

Они направились к хижине. Гайдутины гурьбой двинулись за ними, но у дверей остановились.

– Сейчас мы там лишние, – произнес Якуб. – Пусть сами...

Но толпа не расходилась. Люди стояли на ветру. Снег таял на их лицах и стекал на мокрые кожушки. В мутном небе желтело круглое пятно чуть заметного холодного солнца.

Через некоторое время вышел Младен и кивнул Звенигоре:

– Арсен, зайди!

Звенигора переступил порог хижины. В горнице горела свеча, пахло воском. Анка лежала на широкой деревянной кровати. Глаза ее блестели. Дышала она тяжело. Возле нее сидела заплаканная Златка. Сафар-бей стоял у изголовья, и мать держала его руку в своей, словно боялась, что вот-вот он уйдет от нее. На лице Сафар-бея неловкость и смятение.

Анка заметила казака, прошептала:

⁶ Как дела? (болг.)

– Арсен, подойди ближе!

Звенигора приблизился к кровати. Стал рядом со Златкой.

– Спасибо тебе, что привез мне сына... Я так рада... – Голос Анки прерывался. Ей тяжело было говорить, и Звенигора сделал движение, как бы желая ее остановить, но она отрицательно покачала головой: – Нет, нет, дай мне сказать... У меня так мало времени... Ты очень любишь Златку?

Вопрос был неожидан, и Арсен смутился. Но тихо и твердо ответил:

– Очень! – и взглянул на девушку. Ее бледные щеки загорелись румянцем.

– А ты, доченька?

– Я... тоже, – прошептала Златка.

Анка помолчала, внимательно глядя в смущенное лицо дочери. Собравшись с силами, заговорила снова:

– Дайте друг другу руки... Вот так... Прежде я боялась, Арсен, что ты отберешь у меня дочку, которую я едва нашла. А теперь сама вручаю тебе... Береги ее... Она здесь, в гайдутинском стане, стала такой сорвиголовой... Я рада за вас... Будьте счастливы!.. Младен, дорогой мой... – Она подала ему свободную руку, и воевода, опустившись на колени, прижался к ней щекою. – Вот мы и собрались... наконец... всей семьей... Я так счастлива... мои дети снова со мною...

У Младена вздрогнули плечи, из груди вырвалось глухое горестное рыдание. Златка плакала навзрыд, не сдерживая себя. Звенигора почувствовал, как по щеке покатилась теплая слеза, но не смел поднять руку, чтоб вытереть ее. Сафар-бей стоял бледный, закусив губу. Он прилагал все силы, чтобы не проявить, как он привык думать, малодушия, но и в его глазах стояли слезы.

Анка закрыла глаза и откинулась на подушку. Дышала тяжело, прерывисто. Из последних сил сжимала сыновнюю руку. Боялась хоть на миг выпустить ее.

Отдохнув немного, встрепенулась. Заговорила тихо, но ясно:

– Ненко, сынок... родной мой... Я знаю, как тяжело тебе привыкнуть к мысли, что я... твоя мать... Я понимаю тебя... Ты – отломанная ветка, которую ветер унес далеко от дерева. Ты и не помнишь того дерева, на котором рос... А я помню... твой первый крик... Потом лепет... До сих пор вижу твои веселые черные глазки, густые кудри... Помню каждый твой шаг от первого дня до того самого часа, когда... когда... Потом наступило тяжелое время... долгие годы поисков, надежд и разочарований... И все это время ты жил в моем сердце рядом со Златкой... маленьким черноволосым мальчиком с тремя длинными шрамами на ручке... Потому так легко и узнала после стольких лет разлуки... Ведь ты – моя плоть... моя кровь...

Она судорожно сжала руку Сафар-бея. Широко открытыми глазами долго смотрела на него, словно старалась навеки запомнить каждую черточку. Потом перевела взгляд на Младена.

– Младен... – прошептала совсем тихо, чуть слышно: каждое слово давалось ей с большим трудом. – Младен, положи свою руку... на руку... нашего Ненко... Вот так... Арсен, Златка... вы тоже...

Арсен и Златка подошли к изголовью, положили свои руки на руку Сафар-бея.

– А теперь поклянитесь... поклянитесь... что никто из вас никогда не поднимет друг на друга... руку... хотя и придется быть в разных станах... Умоляю вас!.. Не поднимайте руки на моего сына!..

– Клянусь! – тихо произнес воевода.

– Клянусь! – глухо отозвался Звенигора, и к его негромкому голосу присоединилось легкое, как вздох ветерка, Златкино:

– Клянусь!

Опустилась тишина. Немая, тревожная.

– Ненко, а ты?..

– Клянусь! – выдавил из себя Сафар-бей и опустил глаза.

Звенигоре казалось, что за всю свою жизнь, полную тревог, смертей и невзгод, он никогда не переживал минуты тяжелее этой. Нестерпимо больно было ему смотреть на этих людей, в семью которых он входил, на их муки и страдания. Его огрубевшее в боях и неволе сердце мучительно щемило, а глаза наполнились слезами.

Младен сдерживал рыдания, клокотавшие глубоко в груди. Все опустили головы. Только Златка не скрывала слез.

– Не плачьте, – прошептала Анка. – Не нужно... Мы же все вместе... одной семьей... Я так счастлива...

Голос ее внезапно оборвался. Рука соскользнула с руки Сафар-бея и упала на белое шерстяное одеяло...

На крик Златки в хижину стали входить гайдутины.

...Хоронили Айку на другой день в полдень. Вынесли на плечах в тисовом гробу на било – наивысший гребень горы, поднимавшийся над Планиной.

Ветер утих, тучи разошлись. Сияло яркое солнце. В голубом небе стояла безмолвная тишина, а в ней спокойно, торжественно парили ширококрылые черные орлы.

С горы было видно всю Планину: далекие вершины, присыпанные ослепительно-белым снегом, глубокие темные ущелья, густо-зеленые сосновые и тисовые леса, голые хмурые утесы там, где не ступала нога человека.

– Отсюда, Анка, тебе будет видна вся Болгария, – сказал Младен, первым бросая в могилу горстку земли. – Смотри на нее, орлица моя! Слушай песни весеннего ветра над родною Планиной, шум зеленых лесов в ущельях, говор прозрачных звонких потоков... А как всколыхнется Планина, задрожит земля, знай: жив твой Младен, живы твои ясные соколы-гайдутины! Это они с саблями и самопалами в руках снова кинулись в бой за свободу любимой Болгарии!.. Так ли я говорю, братья?..

– Так, так, воевода! Так, отец наш! – откликнулись гайдутины.

– Ну, прощайтесь! Пусть спит вечным сном наша мать!

На вершине быстро вырос могильный холмик. Гайдутины повинытащивали из-за поясов пистолеты, и горную тишину разорвал гром выстрелов. Постояли немного молча и начали потихоньку спускаться вниз.

– Тате, пойдем, – позвала Златка, тронув отца за рукав.

– Идите. Я приду потом, – тихо ответил воевода.

Он стоял простоволосый, без шапки, смотрел вдаль, где небо сливалось с горами. В сухих покрасневших глазах не было слез – только глубокая скорбь и острая боль.

Всем было понятно, что воевода хочет остаться наедине с дорогой могилой.

Арсен обнял Златку за плечи и повел с горы. Когда отошли до первого крутого уступа, оглянулся. На вершине, кроме воеводы, остался также и Сафар-бей. На фоне ярко-голубого неба четко вырисовывались две темные неподвижные фигуры...

Только к вечеру спустились Младен и Сафар-бей в стан. Никто не знал, что было там между ними, о чем они говорили. Пройдя хижины, Сафар-бей подошел к обрыву и сел на холодный, заснеженный камень. Было печальным и горестным выражение его бледного, утомленного лица, скорбно опущены плечи.

– Драган, пошли людей – пусть проводят до Сливена, – коротко приказал воевода.

– А как... – Драган хотел спросить, завязывать ли снова глаза Сафар-бею, но промолчал. Что-то неуловимое во взгляде, которым смотрел воевода на сына, удержало его.

Но Младен понял своего молодого друга.

– Нет, нет, повязки не надобно! – сказал поспешно. – Не надо... Я верю... Не сможет он привести янычар на могилу своей матери...

Фирман

1

Гамид сидел в комнате Сафар-бея на мягком миндере и со злорадством смотрел на исполованную батогами спину бая Станко, подвешенного за вывернутые руки к потолку. Напротив замерли в ожидании приказа янычары – Кагамлык и великан Абдагул.

– Ты уже старый, бай Станко, а ведешь себя, как неразумный подросток. Ай-ай-ай! – произнес Гамид спокойно. – Твое упрямое молчание свидетельствует не в твою пользу. Неужели тебе так хочется, чтобы мы переломали тебе ноги, вырвали язык и выжгли глаза? Не вынуждай нас делать это. Скажи, куда делся Сафар-бей?

– Не знаю, ага, – прохрипел бай Станко.

– Но ведь следы ведут на твой двор, мерзкий гяур! Как же ты можешь не знать?

– В который раз говорю: Аллах свидетель, не знаю, куда делся Сафар-бей.

– Тогда говори, где искать Якуба? Не будешь же ты лгать, что незнаком с этим разбойником!

– Впервые слышу это имя.

– Не говори глупостей! Якуб вечером зашел к Сафар-бею с улицы. Его видел аскер Кагамлык. Но оттуда он не выходил. Не трудно догадаться, какой дорогой разбойник или разбойники, выкрыв ату, покинули дом. Тут не обошлось без твоей помощи, старая собака!

– И все же я не знаю никакого Якуба, провалиться мне в пекло, если вру!..

Гамид потерял терпение. Он крикнул:

– Абдагул, всыпь этому ишаку еще! Может, он поумнеет и вспомнит то, о чем с таким упрямством старается забыть!

Верзила Абдагул вышел на середину комнаты, смахнул рукавом пот со лба. Вновь засвистел батог. Страшная боль исказила лицо старого болгарина.

– Изверги!.. – прошептал несчастный. – Сил больше нет терпеть...

Гамид подал знак прекратить пытку.

– Ну, говори!

– Дайте воды.

Кагамлык поднес к запекшимся, обкусанным губам старика кружку воды. Бай Станко с жадностью припал к краю. Утолив жажду, помолчал. Затуманенным взором смотрел на мрачное сытое лицо спахии.

– Я жду, – процедил Гамид. – Куда делся Сафар-бей?

Станко сплюнул из разбитого рта кровь, отрицательно качнул головой. Лицо его распухло от побоев, туго связанные руки одеревенели. Он терял последние силы. Если бы не веревка, которой он был подвязан к потолку, он не устоял бы и минуты на ногах.

– Я его... в глаза не видал, ага.

– Брешешь! Ты с Якубом выкрал его!

– Клянусь, я не имею чести быть знакомым ни с каким Якубом!

– Невелика честь знаясь с разбойником... Да не крути: ты превосходно знаешь Якуба!

Скажи только, где он? Куда вы дели Сафар-бея?

– Напрасно пытаешь меня, ага. Мне ничего не известно ни о Сафар-бее, ни о Якубе...

Тихий, спокойный ответ Станко вконец разозлил Гамида.

Проклятый гяур! В чем только душа держится, а правды не говорит! Но он развяжет язык упрямому гайдутину! Должен развязать и допытаться, куда делся Сафар-бей, даже если

пришлось бы замучить до смерти не одного, а тысячу болгарских собак! На это у Гамида были серьезные причины.

О таинственном исчезновении Сафар-бея он узнал сегодня утром, вернувшись из Заторы от беглер-бея. Известие ошеломило спахию. Несмотря на то что почти год между ними были напряженные, даже враждебные взаимоотношения, Гамид не спускал глаз с молодого аги и очень волновался, когда тому приходилось сталкиваться с опасностью. Дело в том, что Гамид был очень суеверен. А много-много лет назад, когда он с детьми воеводы Младена подъезжал к Заторе и, уставший, отдыхал на камне у дороги, к нему неслышно, как тень, подошла старая цыганка. Ее тусклые черные глаза впились в его лицо.

«Позолоти руку, добрый ага, и я расскажу все, что случилось с тобой в жизни», – прокаркала старуха.

Гамид хотел было прогнать ее, но цыганка отгадала его намерение и вцепилась смуглыми скрюченными пальцами в рукав:

«Не прогоняй, ага!.. Вокруг тебя кровь, много крови. Мрачные думы бороздят твое чело... Я не буду говорить о былом... Позолоти, красавчик, руку, и я поведаю тебе, что ожидает тебя впереди. Не пожалей для бедной цыганки куруша...»

Гамид заколебался. Будущее его пугало. Сказанные цыганкой наугад слова о крови заставили его вздрогнуть. Может, и вправду старая ведьма провидит будущее?

Он вытащил из кармана куруш. Цыганка с жадностью схватила монету, запрятала в густые складки пестрого одеяния. Быстро разложила карты.

«Будущее твое светло, добрый ага, – снова прокаркала она. – Выпадает тебе богатство и длинная дорога. И почет, и уважение. Ожидал тебя тяжелый удар, но ты счастливо избежал его. А еще имеешь ты большой интерес в детях. Они не кровные, не родные тебе, ага, но тесно связаны с твоей судьбой. Настолько тесно, что я даже боюсь говорить...»

«Говори, старая!..» – прикрикнул встревоженный Гамид.

«Позолоти руку, счастливчик!»

Он бросил еще одну монету. Цыганка посмотрела на него тусклым взором, проскрипела:

«Далеко стелется твоя дорога, счастливчик. И все время рядом с тобой идут по ней двое. То они отходят от тебя, то снова приближаются: дороги ваши пересекаются, как морщины на моем лице. И вот что дивно: даже смерть твоя зависит от смерти одного из них...»

Гамид посерел. Голос его задрожал:

«Тех детей?»

«Тех, что сопутствуют тебе, ага...»

Цыганка исчезла так же неслышно и незаметно, как и появилась. А Гамид еще долго сидел на теплом камне, потрясенный услышанным. Со страхом смотрел на черное одеяло, под которым лежали укутанные, а вернее, связанные дети воеводы. Тьфу, шайтан! Неужели его судьба теперь зависит от участи гайдутинских последышей? Неужели для того, чтобы продлить свою жизнь, он должен радеть и о них?..

Слова цыганки глубоко запали в сердце Гамида. Суеверный страх за свою жизнь заставлял его долгие годы беречь Ненко и его сестренку, заботиться о них и о их будущем. Когда беглер-бей, желая нанести беспощадный удар воеводе Младену, хотел уничтожить детей, Гамид выпросил для них помилования, а затем отдал Ненко под именем Сафар-бея в янычарский корпус, а Златку держал при себе вместе со своими детьми, дав ей имя Адике.

Как только он узнал, что три дня назад при загадочных обстоятельствах исчез Сафар-бей, то немедленно начал розыски, которые дали повод думать, что Сафар-бей выкраден. Куда же он делся? Что с ним? Жив ли? На это мог ответить только один человек – Станко. К его двору ведут следы... Он, очевидно, мог бы дать сведения и о Якубе, которого Гамид не без оснований считал своим смертельным врагом и хотел побыстрее убрать с дороги. Но проклятый болгарин молчит! Не желает говорить правду! Ну нет, он развяжет ему язык!

Гамид сам схватил тяжелый бато́г и начал бить им болгарина по рукам, по лицу, по спине. Станко извивался, пытаясь хотя бы как-нибудь защитить глаза.

– Ты скажешь все, гяурский пес! – хрипел спахия, вкладывая в удары всю свою силу. – Все скажешь!

– Я ничего не знаю... – стонал бай Станко.

– Где Якуб? Куда вы девали Сафар-бея?

– Я их не видел, ага. Бог – свидетель.

Бато́г засвистел снова. Гамид осатанел. Даже Абдагул и Кагамлык отошли к стене, боясь, как бы и им не перепало.

Неожиданно скрипнули двери, и на пороге появился Сафар-бей. Гамид застыл с поднятым бато́гом. В глазах – и удивление, и смятение, и радость, которые он не в состоянии был скрыть.

– Что это все означает, Гамид-ага? – спросил Сафар-бей, прикрывая за собой дверь и с удивлением оглядывая свою комнату. – Салям!

Гамид глупо улыбнулся, протянув к Сафар-бею руки, словно ждал, что тот кинется в его объятия. Но Сафар-бей сделал вид, что не замечает порыва спахии.

– Так что же здесь происходит? – повторил он свой вопрос.

Гамид бросил бато́г. Помрачнел.

– Когда исчезает из своей комнаты янычарский старшина, я должен узнать, куда он делся.

– И поэтому ты избиваешь этого несчастного? Что же он рассказал тебе?

– Я узнал от аскеров, что у тебя был Якуб...

– А еще что?

– Больше ничего. Но и этого достаточно для меня.

– Якуб – мой друг, – холодно сказал ага.

Гамид натянуто улыбнулся.

– Сафар-бей, дорогой мой, неужели мы так и будем говорить, стоя посреди комнаты? Я сегодня вернулся от беглер-бея и привез очень важный фирман султана. В нем говорится о новом походе на урусов. Может, мы поговорим обо всем наедине?

– Хорошо, – мрачно согласился Сафар-бей.

– Тогда прикажи вывести эту гайдутинскую собаку и запереть в подвал.

Сафар-бей кивнул аскерам:

– Выведите его и отпустите!

Кагамлык и Абдагул бросились отвязывать Станко. Гамид недовольно засопел:

– Сафар-бей, ты допускаешь ошибку. Этот болгарин причастен к твоему похищению! Его надо допросить!

– Ошибаешься ты сам, Гамид-ага, – спокойно ответил Сафар-бей. – Никто меня не похищал... Якуб у меня действительно был. Он принес мне важную весть, которая и заставила меня отправиться в путь.

– Куда?

– А уж это моя маленькая тайна, Гамид-ага. Как тебе, наверное, известно, я не евнух. Поэтому нетрудно догадаться, какие чувства заставили меня ненадолго покинуть свой дом...

Гамид недоверчиво покосился на Сафар-бея, но ничего не сказал. Кагамлык и Абдагул подхватили Станко под руки, поволокли из комнаты.

Сафар-бей плотно прикрыл дверь, взбил на мягкой оттоманке миндер, предложил Гамиду сесть.

– Теперь поговорим, Гамид-ага. Что нового у беглер-бея? О чем пишет наияснейший султан в своем фирмане?

2

Старая Планина была наилучшим пристанищем и убежищем для гайдутинов. Во всех малодоступных местах – на высокогорных лугах, в глубоких темных ущельях, в чащах вековых девственных лесов – стояли темные сосновые хижины, срубленные пастухами-горцами по приказу гайдутинских воевод прежних времен. Хижины эти были приземисты, неказисты, но надежно защищали от осеннего ненастья и зимних холодов.

В одну из таких заснеженных мрачных долин привел свой отряд воевода Младен. Похоронив Анку, он ни дня не хотел оставаться там, где все напоминало о ней. К тому же к Сливену его влекло желание отомстить Гамиду.

Пока гайдутины рубили дрова, растапливали в хижинах печи, готовили горячую пищу, Драган, переобувшись после долгого перехода в сухие сапоги, подошел к воеводе:

– Думаю, бай Младен, мне не мешало бы прогуляться до города. Надо оповестить наших людей, где мы расположились.

– Ты утомился, Драган.

– И все-таки отдыхать некогда. Сафар-бей уже прибыл в Сливен, и нам необходимо знать его намерения относительно нас. Интересно также узнать, что подельывает Гамид...

– Ты настоящий юнак, Драган! Когда мне придется перебраться в лучший мир, я распрощаюсь с землей без сожаления: ты продолжишь то дело, за которое я боролся всю жизнь! – с чувством сказал воевода. – Ну что ж, иди! Но будь осторожен.

Драган ушел.

Возвратился он неожиданно быстро – перед рассветом. Младен ждал его только на второй день к вечеру, поэтому был удивлен, когда увидел своего молодого друга, запорошенного снегом, в своей хижине.

– Что случилось, Драган? Ты вернулся с полпути?

– Да. Но не один. Со мною бай Димитр. Нам обоим повезло: он торопился из Сливена в наш стан, где никого не застал бы, а я топал в Сливен, где напрасно разыскивал бы бая Димитра, – потому благодарим всех святых, что началась вьюга. Она загнала нас в Медвежью пещеру, где мы и встретились, к радости обоих.

– Где же Димитр? Зови его сюда! – Воевода накинул на плечи кожух, раздул в устье печки огонь. – Он, наверное, может многое рассказать...

– Да, пришел он не с пустыми руками. Сейчас я его приведу.

Через минуту в хижину вошел Димитр, сбил с длинных обвислых усов снег. Младен обнял его, посадил возле огня. В хижине проснулись все: Звенигора, Спыхальский, Грива, Златка, Якуб, Яцько. Каждого интересовало, с чем возвратился Драган.

Марийка подала на стол хлеб и жареную козлятину, но Димитр не притронулся к еде. В печи разгорелись сухие сосновые сучья, и пламя осветило лицо болгарина. На нем лежала печать тяжелой усталости, – видно, не легко было пробираться по заснеженным горам окольными путями. В глазах застыла тревога.

Все, конечно, понимали, что только очень важная причина могла заставить бая Димитра покинуть Сливен и самому, не ожидая гайдутинского связного, двинуться в горы.

– Что произошло, бай Димитр? – спросил воевода, положив на плечо гостя руку.

Бай Димитр тяжело вздохнул:

– Бая Станко пытали...

– Как? Кто это сделал?

– Гамид... Все допытывался, проклятый, куда девался Сафар-бей. А также интересовался Якубом.

Ну?

– Бай Станко ничего не сказал. Да он и не знал ничего, кроме того, что я причастен к этой истории. Но меня он не выдал. А подозрение на него пало потому, что наши следы вели к его двору...

– Жаль бая Станко, – сказал Драган. – Он жив? В безопасном месте?

– Да, аскеры притащили его чуть живого и бросили во дворе, как собаку... Но крепок старик! Не успела жена ввести в комнату и отпоить молодым вином, как он сразу же приказал позвать меня.

Бай Димитр провел рукой по лицу, вытирая с оттаявших в тепле бровей и усов холодные капельки воды.

– Что-нибудь важное? – спросил воевода Младен.

– Очень важную новость сообщил мне бай Станко... Гамид при нем обмолвился о султанском фирмане, в котором идет речь о новом походе на руснаков. Думаю, было бы интересно знать подробное его содержание, бай Младен, а?.. Вот почему я так торопился к вам...

– Спасибо тебе, друг Димитр! – с чувством произнес воевода. – Спасибо тебе от всей Болгарии за верную службу... Ты принес очень важное известие, и мы теперь сообща подумаем не только над тем, как захватить Гамида, но и как овладеть султанским фирманом.

– А что это за штука – фирман? – спросил протяжно степенный Грива.

– Фирман, друзья, – это султанский указ, – пояснил воевода. – Если бы нам удалось раздобыть его, мы, очевидно, смогли бы узнать о необычайно важных и серьезных делах. Если в нем действительно говорится о новом походе турок на Украину, то мы узнали бы о начале его, количестве войск и кому поручено возглавлять поход. Так я думаю...

– Гм, то было бы вправду хорошо раздобыть ту штуkenцию, панство! – прогудел Спыхальский.

– Безусловно, – поддержал его Звенигора. – Во что бы то ни стало мы должны немедленно выступить в Сливен.

Он вопросительно взглянул на воеводу, ожидая его поддержки.

Воевода Младен немного помолчал, должно быть в мыслях решаясь на что-то. Потом сказал:

– Ясно одно – мы должны это сделать немедленно. Но как? Кто пойдет на это?

– Гамид живет в хане Абди-аги, – вставил Димитр. – Его охраняют.

– Мы с Драганом уже бывали в том хане, – промолвил Звенигора. – Думаю, и теперь следует идти нам. Двоих вполне достаточно.

– Нет, должно быть, втроем лучше, – засомневался Драган.

– Тогда я – третий! – поднялся Спыхальский.

– Нет, нет, пан Мартын, – поспешил отказаться Арсен от помощи своего шумливого, запальчивого друга. – Мы на тебя и одеяния янычарского не подберем.

– Тогда пойду я, – произнес Якуб. – Мне...

Но неожиданно его перебила Златка:

– Нет-нет, за третьего буду я! Я очень хорошо, лучше всех вас, знаю Гамида, его повадки.

По скрипу половиц под ногами я могу узнать не только его самого, но даже в каком он настроении...

– Ну что ты, Златка... – начал Арсен. – Там нужен воин, который умел бы...

Девушка не дала казаку закончить мысль:

– Который умел бы стрелять, хочешь сказать?.. Отец, скажи ему! – обратилась она к воеводе.

Младен развел руками. Неожиданное желание дочери наполнило его сердце гордостью: он вдруг увидел в ее характере то, чего сам желал своим детям, когда они появились на свет, – смелость, решительность, верность отчизне и готовность отдать за нее жизнь. Но как отпустить ее, девушку, на такое опасное дело?

Он заколебался.

– Да, Златка умеет хорошо стрелять, – произнес погода. – И на коне ездит... Но сможешь ли ты, – обратился он к ней, – проявить выдержку и силу духа в обстановке, в которой вы окажетесь там?

– Выдержку и силу духа только и можно проявить в сложной обстановке.

Здесь вмешался Драган.

– А я вот думаю, – сказал он, – Златка будет полезна нам больше, чем кто-нибудь другой. Она прекрасно знает турецкий, одно это много значит. Кроме того, вдруг все сложится так, что она окажется необходимой как приманка для Гамида.

Девушка благодарно взглянула на молодого гайдутину. Арсен же остался недоволен словами своего друга и хотел резко возразить ему. Однако Младен прекратил их спор.

– Я согласен, – промолвил он. – Дочь воеводы имеет право подвергать себя опасности наравне со всеми... Теперь, друзья, обдумаем все получше – и в путь!..

3

Из-за Родопов подул теплый ветер, и снег сразу посерел, пропитавшись водой. По улицам Сливена зажурчали быстрые ручьи.

Возле хана Абди-аги остановились три всадника. Судя по одежде, это были два аги из конного отряда и молоденький воин-слуга. Привязав лошадей к коновязи, они направились к дверям.

В хане было полутемно и пусто, если не считать четырех аскеров, которые после сытного обеда дремали в углу за своим столом, да самого кафеджи Абди-аги. Увидев новых, незнакомых посетителей, кафеджи сложил в приветствии руки перед длинной седой бородою и с неожиданной для его возраста резвостью кинулся навстречу гостям:

– Салям, правоверные! Мой дом к вашим услугам.

Несмотря на то что в городе было много войск, прибыли хана не приносили его хозяину удовлетворения, и Абди-ага искренне радовался каждому новому человеку, переступающему его порог с курушем в кармане.

– Ночлег и обед для троих, – произнес один из прибывших, бросая на стол золотую монету.

Абди-ага низко поклонился высокому красивому аге, который с такой небрежной легкостью бросается золотыми динарами, словно он испанский инфант.

– Все будет к вашим услугам, высокочтимый ага!

Он провел прибывших на второй этаж своего большого дома, открыл изъеденные шашелем двери и ввел в просторную комнату. Цветные стекла окон пропускали мало света, и здесь было сумрачно, как и внизу.

Повеяло застоявшимся воздухом помещения, в котором редко живут люди.

– Располагайтесь, высокочтимые! Сейчас слуга принесет вам обед, – сказал Абди-ага и, взглянув на высокого, в котором признал старшего, спросил: – Осмелюсь узнать, ага, как долго вы собираетесь пробыть в нашем городе?

– Это будет зависеть от многих обстоятельств, кафеджи-ага.

– Вы впервые в нашем городе? Мне кажется, я уже имел честь встречаться с вами...

– Ошибаешься, кафеджи-ага. В Сливене я впервые, – ответил тот, поворачиваясь спиной к окну, чтобы свет не падал ему на лицо.

– Возможно, я ошибся. У меня бывает много разного народа, да и зрение стало слабеть с годами. Пусть извинит меня высокоуважаемый ага, – пробормотал хозяин, пятясь к дверям.

– Арсен, как ты думаешь, узнал он тебя или ему действительно показалось что-то знакомое в твоём лице? – тревожно спросил молодой аскер, когда затихли шаги кафеджи.

– Не волнуйся, Златка. В этом одеянии меня и родная мать не узнает, а не то что этот старый турок. Но все же надо быть осторожным, – ответил Звенигора, снимая архалук из дорогого сукна. – Думаю, все будет хорошо. Тем более что мы здесь не задержимся.

– И все же я пойду проверю, не донесет ли на нас этот старый лис, – сказал третий аскер. – Меня здесь никто не знает.

– Иди, Драган, но не мешкай, – согласился Звенигора. – Гамид должен вот-вот прибыть... Драган вышел.

В комнате наступила та тревожно-радостная тишина, которая бывает только тогда, когда остаются наедине двое влюбленных, между которыми еще не установилось такой близости, что позволяла бы держать себя непринужденно. Златка подошла к окну, не столько стараясь сквозь давно не мытые, мутные стекла посмотреть на площадь, сколько пытаясь создать такое впечатление. Арсен любовался ее небольшой стройной фигуркой, нежным овалом лица, тонким черным локоном, что предательски выбился из-под шапки аскера.

– Златка!

Девушка тут же повернулась к казаку, будто только и ждала его восклицания. В ее глазах сверкнули искорки. Арсен подошел порывисто, взял девушку за руки.

– Любимая, я еще раз прошу тебя: пока не поздно, оставь нас с Драганом вдвоем! Это очень опасная затея...

– Арсен, я сама настояла на этом, и отец мне позволил...

– А я не позволяю. – Он обнял ее. – Слышишь? Не позволяю! Ты подвергаешься страшной опасности!

– С тобой мне ничего не страшно, мой юнак! Я верю, что все закончится благополучно...

Она попробовала освободиться из его объятий, но делала это скорее инстинктивно, так как душа ее рвалась к нему. Алели ее уста, глаза сияли. Внезапно девушка ощутила горячий поцелуй. Губы Арсена нашли ее уста и обожгли неведомо сладким огнем, что проник в самое сердце...

– Ой!..

– Любимая! Хотя бы теперь послушай меня! Я буду спокоен, если буду знать, что ты в безопасности, – шептал Арсен, – что тебе ничто не угрожает... Почему ты не послушала меня раньше, еще там, в стане?

– Теперь тем более никуда не уйду от тебя, – ответила Златка. – Я не хочу пережить тебя...

Звенигора изумленно любовался этим прекрасным созданием, которое все глубже и глубже входило в его жизнь, становилось таким родным и дорогим, что он готов был отдать за него и жизнь, и все самое дорогое.

За дверями послышались шаги. Вбежал возбужденный Драган.

– Он все-таки узнал тебя, Арсен! – воскликнул приглушенно.

Звенигора и Златка кинулись к гайдутину. Но Драган их успокоил:

– Не волнуйтесь! Я позаботился о том, чтобы Абди-ага не помешал нам.

– Не тяни, Драган! Говори толком! Что случилось?

– Я спустился вниз вовремя. Абди-ага как раз подошел к аскерам и хотел им что-то сказать. В этот миг я и позвал его. Кафеджи, как я заметил, смутился, вздрогнул, но все же подошел ко мне. Спросил: «Что угодно высокочтимому аге?» Я объяснил, что хотел бы поставить в конюшню лошадей. Он вышел со мною во двор. В конюшне, как я и надеялся, никого, кроме нас, не оказалось. Недолго думая я скрутил старику руки, заткнул рот кляпом и запер в каморке. Пусть померзнет, коварный пес!

– Да, нехорошо вышло. Если начнут его искать, поднимется переполох.

– Пока это случится, мы будем далеко. Гамид только что прибыл в хан...

– Правда? Ты посмотрел, где он остановился?

– Да. На другой половине. Его охраняет лишь один аскер – дремлет на оттоманке возле окна. Думаю, мы с ним легко справимся. А вот те четверо, что внизу...

– Ну что ж, придется Гамида прикончить здесь! – сказал Звенигора.

– Нет, приказ воеводы ясен: мы должны доставить его живым!

Звенигора на это ничего не ответил, но по выражению его лица было заметно, что он не очень одобряет приказ воеводы. Была бы его воля, не возился бы он со спахией!

Проверив пистолеты, они вышли в длинный полутемный коридор. В конце его, возле окна, стоял аскер. Заметив трех незнакомцев, он медленно направился к ним, очевидно чтоб лучше рассмотреть.

– Салам! – приветливо сказал Звенигора. – А что, почтенный, Гамид-ага вернулся уже домой?

Аскер не ожидал, что с ним заговорят о его хозяине, и подозрительно взглянул на незнакомого спахию.

– Вы знаете Гамида-агу?

– Еще бы! Давние друзья! Мы привезли ему привет от его зятя Ферхада и дочки Хатче, а также от свата Исхака-аги.

– О, ага знает моих добрых хозяев! – обрадовался аскер. – Что нового в наших краях? Ага давно оттуда?

– Не так давно. – Звенигора по-приятельски похлопал аскера по спине, взял под руку. Они медленно шли вдоль коридора. – Всего месяц...

Аскер вдруг задергался: сильная рука Драгана зажала ему рот, а Звенигора схватил в объятия, как в тиски. Златка быстро открыла двери ближайшей комнаты, и гайдутины вмиг впихнули туда аскера. Перепуганный вояка только с ужасом поводил глазами, следя, как ловкие руки связывают его.

– Хочешь жить – лежи спокойно! – промолвил Звенигора. – Вечером тебя найдут твои друзья...

Чтобы аскер не подкатился к дверям, его привязали к кровати.

– На всякий случай, – буркнул Драган, затягивая узел покрепче.

Гайдутины вышли в коридор. Златка подала знак, что все спокойно. Можно было приняться за Гамида.

– Предпоследние двери направо, – прошептал Драган, оставаясь на страже.

Арсен и Златка подошли к дверям. Прислушались... Тихо. Значит, Гамид в комнате один... Звенигора вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок, левым плечом нажал на дверь.

Гамид сидел спиной ко входу. Не подозревая опасности, спокойно, не поворачивая головы, спросил:

– Что случилось, Энвер?

– Салам, Гамид! – произнес Арсен, направляя дуло пистолета на спину спахии.

Гамид стремительно обернулся. Увидев блестящее дуло пистолета, как замороженный не мог отвести от него взора. Лицо его мгновенно посерело, нижняя челюсть отвисла, задрожала... Наконец он поднял взгляд на незнакомцев, которые осмелились так нагло, днем, когда в городе полно войск, ворваться сюда. Узнал казака.

– Звенигора? О Аллах!

– Не только, – выступила вперед Златка, снимая шапку. – Салам, ага!

– Адике!.. – простонал Гамид, бледнея. – Что вы хотите от меня?

– Султанский фирман! – Арсен подошел ближе.

– Фирман? – Гамид был изумлен: он ждал худшего. – У меня его нет...

– Где же он?

– Я отдал Сафар-бею.

– Жаль... Тогда придется без лишних разговоров застрелить тебя.

Гамид растерянно молчал.

– Златка, посмотри хорошенько: может, фирман здесь, а Гамид просто морочит нам голову?

Златка бросилась на поиски...

– Подождите! – вскрикнул спахия. – Вы все равно не найдете! Договоримся по-хорошему: я вам – фирман, а вы мне – жизнь. Согласны?

Он представлял всю безвыходность своего положения, это наполняло его сердце злобой и отчаянием. О Аллах, что творится с ним! Минуту назад он чувствовал себя в полной безопасности, имел власть и считался третьим, после околийного паши и Сафар-бея, лицом в городе и околии. А теперь... Смерть глядит ему в глаза, и он не знает, как увернуться от нее, потому судорожно хватается за любую возможность спастись. Фирман, конечно, очень важный документ, и за его утрату беглер-бей по головке не погладит, но думать об этом перед лицом близкой смерти было неразумно и смешно. Разговор с беглер-беем будет потом... А может, и совсем не будет! Главное – сохранить жизнь! Неужели придется сложить голову? О Аллах экбер!..

– Мы не торгоши, – сурово сказал Звенигора. – Где фирман? Я не верю, что он у Сафар-бея!

– Вот он! – вскрикнула Златка, вынимая из темной шкатулки плотный свиток пергамента.

Гамид сорвался с места:

– Адике, не смей! Это секретный приказ! За него всем нам снимут головы!

– Тем интереснее узнать, о чем же пишет султан в таком важном фирмане, – сказал Арсен. – Златка, читай!

Златка пробежала глазами по пергаменту.

– О! Действительно важный приказ! – вскрикнула она. – Султан оповещает военачальников и войска, что за позорное отступление из-под Чигирина в прошлом году великий визирь Ибрагим-паша и крымский хан Селим-Гирей лишены всех чинов и сосланы на остров Родос в Белом море. Великим визирем назначается паша Асан Мустафа. Падишах приказывает ему стереть с лица земли проклятый город Чигирин, захватить Киев и Левобережную Украину, а Запорожскую Сечь взорвать. Всех запорожцев на арканах притащить в Порту и продать на галеры! С этого года вся Украина должна стать вилайетом Османской империи!

– Адике! – прошипел Гамид. – Ты понимаешь, несчастная, что ты делаешь? Ты выдаешь важнейшую государственную тайну! Отныне ты вне закона и не можешь рассчитывать ни на чье заступничество... О вай-вай, Аллах покарал меня за то, что я считал тебя своей дочерью и дал такое же образование тебе, как и Хатче, – научил читать и писать, что противоречит духу Корана, о вай-вай!..

– Напрасно Гамид-ага печалится о каком-то фирмане. Это всего-навсего клочок выделанной телячьей шкуры, – сказал Звенигора. – Подумал бы о себе... Мы пришли не только за фирманом...

Смертельный страх вновь засветился в глазах Гамида. Только сейчас он постиг окончательно, что его ждет, если он попадет в руки Младена и Якуба. Он сполз на пол и упал перед Златкой на колени. Обхватил ее ноги руками, прижался жирной щекой к мокрым, холодным от талого снега сапожкам девушки. Из его груди вырвался стон.

– Адике! Дорогая! Я же был тебе отцом... В Аксу ты не знала горя... Неужели ты позволишь, чтобы меня подвергли пыткам?.. Вспомни Хатче... Она была тебе сестрой... Неужели хочешь осиротить ее?.. Адике, я знаю: я негодяй... я принес горе твоим родителям... Но ни ты, ни твой брат не имеете причин мстить мне; я дал вам все то, что и своим детям... Если ты не спасешь меня, Аллах проклянет тебя, Адике!..

Златка замерла в нерешительности. Гнев и ненависть, охватившие ее существо, когда узнала, кто такой Гамид, теперь испарились, как утренняя роса под лучами солнца.

У ее ног на полу лежал человек, которого она знала многие годы и который действительно не делал ей ничего плохого, наделял подарками, баловал лакомствами наравне с Хатче, своей дочерью, своей любимицей.

В ее глазах блеснули слезы. Она с мольбой взглянула на Арсена, прося совета и поддержки.

– Хватит болтать, Гамид! – сказал Звенигора. – Вставай! Не пытайся разжалобить сердце девушки! Не поможет! Сейчас ты пойдешь с нами... И не вздумай сказать что-либо своим людям или подать им знак, если не хочешь немедленно умереть!

– Я не с тобой говорю, гяур! – окрысился Гамид и снова припал щекой к ноге Златки, содрогаясь от плача и страха.

– Арсен, оставим его... – Голос Златки дрожал. – Наконец, прошло столько времени... Скажем отцу и Якубу...

Она не договорила. Широко распахнулись двери, и в комнату вошел Сафар-бей, а за ним растерянный Драган.

4

Увидев Звенигору с пистолетом в руке, Гамида, что ползал в ногах у Златки, Сафар-бей остановился как вкопанный. Он оглянулся на Драгана, которого принял за стражника Гамида, но вместо сочувствия заметил в его глазах враждебность, а в руке – взведенный пистолет.

– Аллах экбер! Что все это значит? – выкрикнул ошеломленно. – Златка, как ты очутилась здесь?

Не успела Златка ответить, как Драган выхватил у Сафар-бея из-за пояса пистолет, а из ножен – саблю. Потом поспешно отскочил к дверям и стал там на часах, поглядывая сквозь узкую щель в коридор.

Положение существенно изменилось. Звенигора переглянулся с Драганом: что они могли сделать? Вывести с собой, кроме Гамида, еще и Сафар-бея? Маловато сил. Взять только Гамида, а Сафар-бея, связав, оставить в комнате? Разве даст связать себя Сафар-бей? Наверняка окажет сопротивление, во время которого подвергнутся опасности и он сам, и Златка. Что тогда скажет воевода Младен? А кроме того, не исключена возможность, что Сафар-бей прибыл сюда с охраной, которая может вот-вот нагрянуть и схватить их всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.